

Сергей Коркин

**ЛОШАДИНЫЙ
ХРИСТОС**

СТИХОТВОРЕНИЯ
2003 — 2008

О СВОЁМ ТВОРЧЕСТВЕ

Творческий процесс для меня — это метод познания себя и окружающего мира. Мой сегодняшний инструмент — слова, смыслы, образы. Я, подобно архитектору, пытаюсь выкладывать из этих магических кирпичиков разнообразные по форме и сложности конструкции. Это не значит, что мною движет какой-то холодный расчет. Я просто погружаюсь в поток сознательно-бессознательного, который течёт в каждом из нас, и он выносит меня к тому или иному берегу. Мне остаётся только немного корректировать это движение, вовремя замечать и фиксировать проявляющиеся впереди очертания.

Одно и то же моё произведение может вызывать у читателей абсолютно полярные чувства, но каким бы не был этот эмоциональный отклик, меня радует то, что человека удалось разбудить, сдвинуть с привычной точки восприятия окружающего мира.

Конечно, иногда приходится прибегать к грубым и даже запрещённым приёмам — резать по живому — но без этого тоже не обойтись. Однако, рождённая боль — это только сигнал, что в тебе или вокруг что-то не в порядке и с этим нужно разбираться.

2004

ЛОШАДИНЫЙ ХРИСТОС
(2003 — 2004)

*Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь*

Владимир Маяковский

◆ ◆ ◆

ПРОСТОРНОСТЬ

Для чего существуют просторы?
Чтобы их засорять! —
Мусором собственных мыслей,
Выбросом старых вещей,
Энергетическим всплеском
Внезапно пришедшей идеи...

На земле Иудеи рождён
И повергнут, болтаться кулоном
На чужой волосатой груди.

ТЕСНО

Знаешь, как тесно мне
В орфографическом словаре?
Жёлтыми страницами зажат,
Лежу сплющенный.
А тут еще эти —
Лапают жирными пальцами,
Пялятся мутными глазками,
Тасуют слепыми руками.
Вот встрепенусь
И взлечу вниз с книжной полки
Под ноги какой-нибудь стройной красотке!

ЭРОТИЗМ

Эротизм наступает на пятки —
Топорщится складками,
Выглядывает закладками,
Струится гибкими линиями.

Белыми лилиями падает
На белую простыню.

Если раздвинешь лепестки —
Увидишь её —
Ласковую и добрую,
Как плюшевого медведя,
Которого в детстве
Считал лучшим другом.

Где он теперь?
Туда же дорога и ей.
Затрётся, забудется,
Сложится в бумажный самолетик
И улетит в никуда.

Будешь скучать.

Не бойсь! —
Будет новый подарок от Деда Мороза
К старому Новому году.

УДАЧА

Распишись и получи
Пакет с вожделенной удачей!
Она теперь у тебя в руках —
Воркует и просится в туалет —
Опорожниться фейерверком
Несбывшихся мечт.

ВЕЧНОСТЬ

Будет ли сердце биться тревожно?
Будет ли ветер петь?
Будет ли твердь
Мягкой как пух,
Если быстро начнёшь стареть?

Изотрётся в прах твоя голова,
Поползут по рукам червяки,
И пиявки в протухшем озере
Высосут голубые глаза.

Это удел, но предела нет.
Будешь рождаться вновь,
Протоплазмой вливаясь в иные черты —
Будет новое тело,
Улыбка,
Глаза
(Карие или цвета морской волны)...

Повторяется мир,
Замывается жизнь
И не вырваться,
Не устоять,
Только по небосклону
Катиться вниз
Повторя банальное «***дь!»

Жизнь — вокзал,
А все мы — в ожидании поезда-смерти.

Кто-то жуёт бутерброд,
Кто-то прикорнул на скамейке,
Кто-то читает журнал...

Голос диспетчера радует:
«Не волнуйтесь — уедут все!».

СТИЛЬНОСТЬ

Читайте все!
Спешите глазеть
На вытянутое в морге тело —
Руки по швам,
Белки мутны,
На ноге номерок болтается флагом...

Афиша верна —
Представление будет —
Отрубленной головой на серебряном блюде.
Будет фуршет,
Будут пить до дна,
Поглощать охлаждённый студень.

А мне чего? —
Лежу синяком,
Простыней кровоподтёки лелею...
Вернее не я — только тело,
А душа растянулась под потолком —
Люминесцентные лампы слабо,
Но греют.

Улетать неохота,
Но ещё чуть-чуть и выпнут уже насильно,
Посадят на цепь,
Потянут в путь...

Ну, что, читатель, — достаточно стильно?

Чёрные вены тоски*
Режут меня на куски
Проводами, натянутыми до звона.
Пилят кричащую плоть —

В тетрапак.
В грузовик.
На прилавок.

Лежу, приподняв этикетку,
Слежу —
Покупатели мимо,
Снуют пингвинами важными.
Им сказали:

Вы всегда правы,
Если что — телефончик вот...
Продавцы — кролики
Вы — удавы.

Вот, один подкрался...
Внимательный! —
Смотрит на дату,
Читает состав:

Человечина свежая,
Первый сорт,
Но с душком помрачневшей души.

Оторопевший кричит,
Освобождает желудок.

Эк, тебя развезло, гражданин!

А цыплят молодых пожирать?
А глумиться над розовым телом
Поросёнка молочного —
Это как?

** Строчка из повести Виктории Клебановой
«Страх влияния»*

ЁКАРНЫЙ БАБАЙ

Это Ёкарный Бабай —
Зацепился за якорь, пугает люд,
Раскачивает накренившуюся палубу.
Пассажиры мечутся, орут и блюют,
Топчут старух и младенцев.

Квохчут курицы в ресторане —
Их пророчили в суп,
А не вышло!
Спасибо, спрут!

Теперь повара
Прыгают сами
За скользкий борт,
Сыплются зёрнами,
Как перловка в уху.
Спасайся, кто может!
Не спасёшься – сотрёт в труху,
Затянет в трахею,
Жерновами сожрёт.

Вот так судно стало судилищем...

ОЧЕРЕДЬ ЗА ЭРОТИКОЙ

«Кто последний в очередь за эротикой?»
«Гражданин, Вы здесь не стояли!»
Хвост протянулся на три квартала.
Мечтают о колбасе:
Копчёной,
Свиной,
Не очень жирной.
Слюнки бегут и иные жидкости,
Вязкие, как коктейль в фито-баре.

Всему виной воспитание:
В детстве родители не додали
Любви,
Ласки.
Нравоченьями надоедали:
«Это нельзя!
На место положи!»
Поклади, я тебе сказала!!!» —
Мама кричит издёрганная,
Устала и хочет спать,
А тут ещё второе дитя пищит,
И нужно его качать...

Очередь продвигается.
Вот-вот магазина дверь!
Эх, наберу я себе тайландской экзотики!!!

Здоровый детина
Путь преградил многотонным камазом,
Рука на курке,
И жилка дергается под левым глазом:
«А-ну, расходись!

Товар закончился!»

Какой-то мужик в китайской куртке упал
И на снегу закорчился —
Плохо ему, бедняжке, без эротики.

ИЗВРАЩЕ...

Чего ещё рука не коснулась?
Куда не забрался взгляд?
Лежит на кровати, ещё не проснулась,
Оттопырила пухлый зад...

Любуюсь эротикой,
Жалюзьями поделенной
На маленькие порции (на один присест) —
Кушаю медленно,
Жую задумчиво —
Чтоб на каждый зуб
Из оставшихся тридцати.
Вспомнить пытаюсь: не был ли груб?
Не болтал ли опять про инцест?

Крест-накрест руками схвачу за плечи,
Вопьюсь вампиром в рдяном плаще...

Насытишься плотью — станет легче,
И плевать, что я извраще...

ШЛЮХЕ

Залепи оплеуху в ухо,
Тому, кто назвал тебя шлюхой —
Ты просто искательница ощущений,
Ты просто властительница тел!

Мораль, как шамкающая бабка
Уже отжила своё,
Скажи ей:
Пора и честь знать!
Пожила и будя!

И в клубящемся дыме
Ночных дискотек,
Продолжишь раздаривать прелести,
Пока не прокисла,
Пока врач в венерическом диспансере
Не выдаст тебе пропуск в калекки.

Ты рожала от Дьявола, детка?
Вот младенец,
Красив, как конфетка!
Поди разбери,
Кем он вырастет —
Первым министром,
Забудыгой последним
Или среднесерым в мышинной шкурке?

Гитлер тоже был молодым,
Рисовал акварелью,
Влюблялся в девушек,
А потом сказал:
Да все вы придурки!
Выжгу всех!

Слава богу, запал иссяк.
Но душонка осталась!
Из небытия норовит
Вселиться в кого поудачнее,
Просочиться,
Пролезть в ферзи...

Осторожен будь!
Астролога сделай другом своим
И, с наступленьем критических дней,
Пользуйся презервативом!

УСТУПАЙ!

Хватить елозить и в уши втыкать
Плейеровы провода,
Прикидываться, что не видишь,
Кому уступать
Место в дребезжащей маршрутке!

Вот — женщина серая,
Плод внутри —
Томится нерождённой тоской,
Дрыгает то ногой, то рукой
И говорит, прорывая вспухший пупок:
«Дяденька, мама устала моя,
Позволь посидеть чуток!»

Ты же вяло отводишь глаза,
Кривишь недовольный рот,
А ведь у самого,
По ту сторону соска,
Кровь хлещет и сердце бьёт!

◆ ◆ ◆

АКРОБАТ

Знаешь ли ты, сколько тепла
В сердце таится твоём?
Знаешь ли ты, что все мы поём
Песню одну, но на разный лад?

Ты — акробат бессловесных форм,
Иллюзионист бесполезных букв,
Ты себя растратишь на корм,
Раскрошишься из чужих рук...

Будешь тонуть, пожираем мальком,
Пищеварительный ускоряя процесс,
А кто-то пойдет другим путем —
Накачает бицепс и пресс.

Порубленный в капусту
Шашкой Чапаева,
Сижу, обтекая долларовой массой,
Выжат весь, как дармовой кетчуп
В студенческой столовой.

Хотел заработать и заработал:

Нервный тик,
Красные глаза,
Жгучий гастрит,
Вывих мозга.

Спохватился, да поздно —
Карман набит плотно,
А внутри и снаружи болит.

Теперь лечиться —
Врачам нести заработанное кровно и потно,
Делать переливание
Из кошелька в кошелёк.

Снова буду здоровый, но бедный.

Что говорит тебе бог,
Когда навещает?

Заходит, как в палату больничную:
Вот апельсины, яблоки вот...
Ах-да, просил же копчёную курицу!
Чёрт подери!
Потерпи,
Обязательно в следующий раз!

Родители как?

Да так, ничего —
Ждут — не дождутся,
Когда прилетишь.
Садик уютный купили —
Райские яблоки — белый налив...
Их и принёс.

Пёс твой,
Что разрезан трамваем был
В позапрошлом году,
Воет, скулит
И архангелов не подпускает.
Очень печален,
Не жрёт и не пьёт,
Гадит в углы
И грызёт облака.

Что там ещё?

Прибыл вчера

Твой сосед по подъезду.
Встретили маршем,
Торжественно.
Фронтовиком был,
Теперь среди своих...

Ладно. Прощаюсь.
Держи пятерню,
Хвост пистолетом держи
И держись!

Если удастся —
В четверг позвоню.

◆ ◆ ◆

СЮЖЕТЕЦ

Собака, сбита́я автомоби́лем, ещё́ жива́ —
Доползла́ на развороченном пузе,
Легла́ у обочи́ны
в тёплой лужице собственной крови.
Дышит, скулит, на вой не хватает сил.
Мимо — фары...
Фраеры, лохи...
На запорожцах и лимузинах...
А где-то в подвале щенята-крохи,
Копошата́ся, тычутся мордами...

Не ждите маму,
Теперь для вас только сапоги кирзовые
Сантехника Недоумкова.

Если б сердцу вырастить руки!
Чтоб в каждом рукопожатии бился настоя-
щий пульс,
Чтоб друзья сразу ощущали то,
Что стесняешься произнести вслух.

Если б глаза, как электрический шок!
Чтоб негодяям обугливать ноги,
Чтобы расплата — мгновенной кармой!

И плевать, что Иисус завещал подставлять
вторую щеку!

Ты боишься чужого влияния?
По тебе, так уж лучше вливание,
Заполнение щельных пустот
Коньяком, настоенным
В бочках из досок гроба Господня?

К Протопопу-попу потопаем,
Блинчики с мясом полопаем!
Жажду утолим,
На закуску — налим.
Не беда, что Великий пост,
За Всевышнего — третий тост!

Не удивляйся расплывшейся ряхе,
Это тебе не аскеты-монахи —
На хлебе-воде,
На коленях в келье...

У этого не христово —
Собственное зелье!

Золочёная ряса,
Просторный коттедж,
Мерседес за ***ву тучу баксов.

Это только для простофиль и невежд
Церковь — вместилище бога
И прибежище лучших надежд.
Знаем мы этих чернявых чубайсов!

Этимология блёклых небес...
Происхождение видов души...

Если ангелу лучший друг — бес,
То забейся в норку и в тряпку дыши,
Сопи зацементированной ноздрей,
Пока на плечо не ляжет рука,
И голос не позовёт...

Хотя,
Можно резаться и в дурака,
Бить наотмашь и пиво пить —
Может, пролезет,
И деянья твои
Жирными буквами впишут в аннал.

Я знал убийцу,
И поступок его
За героизм проканал.

◆ ◆ ◆

МЁРТВЫЕ ДУШИ

Ни фи́га!
Ни фи́га!!
Ни фи́га!!!
Не лги самому себе,
Не борись с наступающим тленьем!
Ни к чему эти пошлые игры,
Эти смешные потуги
Казаться лучше, чем есть,
Стать значительным,
Монументальным.

Сожги свои мёртвые души!
Может после, в золе,
Ты отыщешь крупинку себя.

ФИЛОСОФИЯ

Доморощенные философы
Пыжятся прослыть супер-пупер,
Топчутся пятками в каменной ступе,
Торопятся пропечататься жирными буквами,
Слить накопившиеся избытки,

Перебивают друг друга,
Лезут на ограждение,
Кричат:
Чур, меня!
Чур, меня!
Ломятся, как граждане за апельсинами
В декабре семьдесят седьмого.

А девочка сидит на скамейке,
Болтает ножками,
Ковыряет в носу
И любит пестрой толпой.

◆ ◆ ◆

ПОЦЕЛУЙНЫЙ РЯД

Марлон Брандо и Мерилин Монро
Как-то пошли в кино,
Купили билет в поцелуйный ряд,
Шепчутся, ржут и хрустят попкорном.

Фильм — дерьмо, сделан топорно,
Но зрители селятся что-то понять,
Вникают в идею,
Льстят сами себе:
Вот-вот я прозрею!

А эти сидят —
Поцелуи взасос!
И нет им дела до искусства важнейшего.

На простыне экрана —
Интимные тайны плещут кефиром —
Брызги в зал,
Залепливают глаза...

Но только двое в последнем ряду
Ощущают реальность вполне.

Гей, славяне!
Ему не множиться,
Не писать заявления в ЗАГСе,
У него симпатичная рожица,
Но в туалет он ходит так же,
Как все мы.

Эх, славяне! Братья и сестры!
Страшит не это.
Лет через сотню мы будем Китаем,
Если забудем дорогу в роддом.

Фидель Кастро и тот — Рус,
Так, чего же мне
Стыдиться происхождения?
Я по улицам парижским пройду
Гордо выпятив грудь
И глаза орденами вычудив,
И башня, Эйфелем заклёпанная,
Передаст привет
Красноярскому железнодорожному мосту*,
Через меня.

** На всемирной выставке 1889 г. в Париже башня
Эйфеля и красноярский ж/д мост поделили первое
место.*

ЛОШАДИНЫЙ ХРИСТОС

Грохнутья оземь
И стать жар-птицею
Или коньком-горбунком коммерческим,
Чтобы у парка имени Кой-кого
Бледных детишек катать по периметру.

А в перерывах спины натруженной
Сено жевать, любоваться звёздами,
Плывать в мечтах подслащённых крекером,
Глазом косить на кобылку в яблоках...

Грохнутья оземь,
Откинуть копытца,
Розовой пеной умыть мощение...

Христос лошадиный, распятый на бойне,
За угнетённых воздай отмщение!

ЭСТЕТИКА

Ну что — прочитал?
Насладился эстетикой слова?
Читал бы лучше Достоевского
Или Толстого!
Помыл бы лучше посуду
к маминному приходу!

ОДИН ВЕЧЕР ОДИНОЧЕСТВА

Сын — уменьшенная копия,
Но не отца, а соседа.
Так бы, может, и прокатило,
Но жена-овца проболталась подружке,
А та ему.

Вещи собрал — ушёл.
Остановился за три квартала.
Оседлал чемодан, закурил.
Прохожие мимо,
Зыркают молча.
Собачонка бездомная
Попросила сосиску.
Купил. Облизалась.
Просит ещё —
Извини, дорогая, сам на нуле,
Пуст, как жилетка Маяковского —
Ни рукавов, ни белой рубашки,
И башка навывлет прострелена!

Свечерело.
Солнце брякнулось за горизонт,
Как когда-то трояк в газированный автомат —
Попробуй, верни!
Было время, и даль впереди
Краснела апрельским бантом.
А теперь?
Ни Бога, ни чёрта!
В каждом киоске тридцать сортов водки —
Коммунизм, мать его!
Карлы Марксы облезли от зависти,
Заржавели башками,

Болтаются жестяными божками кое-где
На крышах приватизированных общежитий.

Неоны! Биллборды! Штендеры!
Тампаксы. Тайды. Кариес.
Где тот, кто обещал защищать
С утра до вечера,
И с вечера до утра?
Где ты, безымянный, безликий?
В каком киоске «Розпечати»
Купить твою фотографию?
Посадить в рамку из ангарской сосны
Или в пластиковое окно Rehau,
Любоваться долгими зимними вечерами,
Вместо молитвы читать Сорокина,
Подбрасывать дрова в тлеющий камин...

В тайгу! В тайгу,
К медведям и волкам!
Срубить избу,
Сложить печь,
Посадить картошку.
Из ружья — в белку.
Жалко! Шкурка — всего ничего —
на перчатку и то не хватит...

Эх!
Убежала собачка.
Поредела улица.
Окна зажглись.
Пересел на лавочку.
На соседней — подростки.
На какой к черту гитаре!
Колют какую-то дрянь,

Ржут.
Дал закурить.
Покосились.
Видят, что зол,
Из майки — бицепс.
Ну-ну. Отошли восвояси.

Ничего неохота!
Так бы сидел и сидел,
Благо, что вечер теплый.
Мысли всё о другом:
Не о том, что случилось.
Была бы машина —
Сел, покатил...
Девчонки, давай подвезу!
И в рощу...
Тонированные стёкла,
Только визг наружу!
Поправила юбку — пора домой —
Mission completed!

Да, хотел купить —
Хоть какую,
Хоть однёрку самую ржавую,
Но — жене на дублёнку.
То ли Турция, то ли Китай —
На рыбьем меху,
Облезла за год.
Теперь в пуховике.
Ни дублёнки, ни машины! —
Звериный оскал капитализма
Или без двух первых букв.
Неприятно — зато правда.

На лавочку — парочка!
Я за кустом —
Только огонёк сигареты стоп-сигналом.
Шёпот губ,
Шелест задираемого платья.
Секс, секс, секс...
Телевизор и тот уже опух,
Свесил антенны —
В каждом ролике
Не задница, так грудь.
Раньше такое
Только в кино до 16-ти,
И то наколют —
Прорвёшься слюнявым пятиклассником,
Сидишь, ждёшь,
А ленту уже покоцали!

Вот такие пироги,
Вернее, чебуреки из поросячьих копыт
На вонючем вокзале.
Податься что ли в проводники?
Поезд: Чух-чух!
Колёса: Тук-тук!
Чаёк! Бельё! Газетки, журналы!
А за окном — поля, леса...
Мосты металлическими горбами...
Простор! Благодать!
На полустанке вышел,
Вдохнул полной грудь —
Воздух, как мёд!
Вагон купейный,
Народ интеллигентный —
Вместо водки — коньячок.
Мне тоже нальют.

Ваше здоровье!
Чок-чок! Чок-чок!
И на бочок...

Проснулся —
Город другой.
Люди другие!
Более улыбчивые,
Более счастливые.
До свиданья, поезд!
Шеф, до гостиницы подбрось!
По-е-е-е-хали!!!
Вокруг всё новое,
Всё незнакомое,
Даже запах какой-то иной.
Нет не в салоне —
Тут бензином, куревом и чем-то ещё...

Номер двухместный,
Пока один.
Окно на площадь:
Пмятник,
Мощение,
Палатки — торгуют.
Когда ж всё распродадут?
Склады опустеют,
Базы закроются...
Но нет —
Из-за океана везут:
Пароходами,
Вагонами,
Гружёными фурами.
Дальнобойщики —
Кого бьёте?

Прилёг на постель —
В форточку ветерок...
Вздремнул.
Встал — принял душ, побрился.
Пойду погуляю,
Посмотрю, что да как,
Кто кого,
Да, чё почём?
Вот и афишки.
Та-а-а-а-к:
Хоккей с мячом.
Цирк — лазерное шоу.
Восковые фигуры — знаменитые уроды.
(Сами Вы уроды, мать Вашу!)
Поёт Филипп Киркоров.
М-да-а-а — репертуарчик —
Сначала клюшкой в лоб,
Потом лазером глаза выжгут,
Изуродуют,
Горячим воском все волосинки выдерут
И на сцену —
В свиту к этому зайке-рафаэлю.
Скок-скок! Скок-скок!

Скок, говоришь, стоит?
Да ты сдурел, братан!
Ну и цены у вас тут!
Кстати — где?
Прибежанск?
Ничего себе, названьице!

Иду дальше — универмаг.
Зашёл.
Народу толчея,

Как в туалете на празднике пива.
Но здесь гадят иначе — деньгами.
Кондиционеры ревут,
Но всё равно духота.
Кофточки,
Брючки,
Сервизики,
Ковры,
Косметика,
Пылесосы-миксеры —
Всосут и покрошат в петрушку —
Мазохистам — два удовольствия сразу!
Мордочки продавщиц,
Животы охранников...

У ребёнка истерика —
Хочет игрушку.
Тебе какую, малыш?
Вот этого робота?
Спасибо, мужчина!
Мама — ничего себе так:
Ножки стройные,
Грудь упруга,
Глазки хотят.
Слово за слово,
И уже шлёпаю тортом по столу —
В гостях.
Штопор есть?
Бокалы, взгляды, дыханье в упор.
Ребенок занят:
Сборка-разборка,
Балансировка
На краю продавленного дивана...
Поршень — туда-сюда,

Завелись, поехали.

Остался. Живу.
Новый дом. Новая семья.
Все как у людей —
Тапочки,
Зубная щётка,
Вбить гвоздь,
Выбросить мусор,
Летом — к морю,
Зимой — ёлка.
Ну и что, что ребёнок не мой!
Сделаю человеком,
Слеплю заботливыми руками,
Выбью дурь,
Подарю велосипед.
Авиамодели,
Бассейн,
Обязательно английский!
Компьютер, фотоаппарат,
Телефон ко Дню рождения —
Звони! Звони, сынок!
Пусть тебя слышат.

2004

ХОРОШО УМИРАТЬ

Хорошо умирать в ванне,
В одомашненном океане с кафельными берегами.
Не нужно на вокзал — под паровоз,
На долгостройку — с верхнего этажа,
На автотрассу — бодаться с КАМАЗом...
Не нужно.

Всё на дому —
Перерезал синие жилки —
Чик-чирик! Чирик-чик-чик...
Работы на чирик — результат на миллион.
Лежишь. Ждёшь. Наблюдаешь
За ароматным томатом собственных вен.

Голова тяжелеет.
Пелена наползает.
В ушах шум.
Вроде летишь.
Вроде тоннель.
О стены башкой — бум-бум!
Но не больно —
Не живой ведь уже...
Вот и свет там, в конце.

А, где же жизнь за одно мгновение?!
Обещали, что будет пробегать.
Первые шаги,
Первый класс,
Первая любовь...
Кто надул?
Вернуться — покопаться в книжках,
Призвать к ответу,

Набить морду?!
Но — лечу, ведь, уже!
Вылетаю трупом в трубу...

Яркий свет.
Видимость — ноль.
Ткнулся в подол.
Стоит —
Церетелевским монолитом.
Всё, как положено —
Над головой нимб,
Одежды длинны,
Глаза светлы,
Борода, как у Льва Толстого.
Может, он и есть?

Кто-то подлетел,
На ухо шепнул:
Не пори ерунду!
Это Пётр святой!

Здравствуйте, батюшка!
А я — к Вам!
Правда без справок, без рекомендаций...
У Вас, ведь, рай?

Кому рай, а кому и вали отсюда давай?
Что сделал, чем знаменит?
Чем жизнь дарёную оправдал?
Почему явился до срока?
И пальцем куда-то вбок...

Проследил направление —
А там прайстик приколот —

Колышется на ветру.
Расценки на добрые дела —
Вспоминай, плюсуй, высчитывай!
И все без калькулятора —
В уме, столбиком складывай, умножай.
Наберёшь сотню баллов —
Милости просим к нашему шалашу!
Недобрал пол очка —
К чертям в сауну на полочку.
А ты, как хотел, мил друг?

Стою, считаю, пальцы загибаю:
Котёнка подобрал,
Место уступил,
Милостыню дал...

А после на проверочку —
У них там своя база данных,
Бухгалтерия, мать её, 1С...
Упаси Бог, смухлевать!
А, — кстати!
Значит, Он
Все-таки есть?!!!

Ау!
Ау!
Попрятались, черти!
Был апостол и нет его —
След простыл,
Трон опустел —
Испарился святой дух.
На вратах райских замок,
И маркером на листке:
«С часу до двух

Перерыв на обед».
Что делать?

Ждать...

Потоптался вокруг,
Туда-сюда, взад-вперёд...
Пошёл вдоль стены
Из белого кирпича,
Под самые облака!
Хм! А под ногами-то что?
Пяткой пошоркал:
Швырть-швырть! —
Вроде земля,
Вроде песок...
Пенсионеры нанесли?

Иду, иду...
Рукой по стене
Веду, веду...
Чтоб не заблудиться!

Свет по глазам прожекторами лупит,
Яркость зашкаливает —
Дальше семи шагов не видно —
Ни тебе теней, ни полутонов,
Сплошные блики, всполохи, да вспышки —
Скачут солнечными зайцами
В ошалевших зрачках.

А стена шершавая,
Тёпленькая такая...
Далеко уже отошёл,
Но перемены никакой —

Слева — кирпич,
Справа — свет —
Льётся,
Вьётся
И стелется.
Погуляю хоть напоследок...
Вдруг — бац!
Что это под рукой?

Дверочка такая масенькая
Из досточек необструганных,
И ручечка — гусиной лапкой...

Любопытно!
Толкнул, пихнул —
Скрипнула, поддалась —
Провалилась внутрь,
И я за ней
Просочился,
Как чиновник в заграничную поездку.

Вокруг темнота, но чую:
Под ногами ступеньки.
Спускаюсь куда-то вглубь.
Вниз.
По спирали.

Лестница винтовая,
Гремит железом.
Вот и перильца нащупал!
Уже легче.
Нарезаю круги —
Зачем, куда?
Сам не знаю.

Может в адские кущи?
В котелок, где варево гуще?
А воздух какой-то душный, жаркий,
И палёным запахло —
Вялят, коптят, заработать хотят?

Стоп!
И тут — дверь —
Большая, крепкая.
Навалился плечом — Ни-ни!

Ну-ну!

Но, слышу, по ту сторону —
Шаги, шаги...
И ключ в замок -
Крутанули —
Оборот, пол-оборот...
Да как распахнут!
А там — света тьма!
Аж зажмурился.

Веки помаленьку приоткрываю,
Промаргиваюсь...

Потолок белый,
Лампа люминесцентная,
И я — в горизонтали.

Шею напряг, глаза скосил:
Справа тумбочка,
Слева капельница,
А сверху голова склоняется:
Очнулся, милоч!

Насилу откачали...

Эх, тётя-мотя!
Хирурги-демиурги!
Реаниматоры-провакаторы!
Накрахмаленные колпаки,
Резиновые перчатки,
Хлорка, спирт, таблетки-бусинки...
Утки без крыльев,
Ангелы без нимбов,
Херувимы, отбившиеся от стаи...

Не хочу умирать в больнице.

2004

36 и 6

Тридцать шесть и шесть —
Возраст матери, возраст сына —
Не получилось от мужа —
Родила от другого.

Четыре года бесплодного брака:

— Девушка, разрешите Вас пригласить?
— Наташа.
— Сергей.

Обвалилась ночь,
Просочилось утро.
Любовь ударила в колокола,
Оглушила,
Завертела разноцветной юлой.

— Хочу, чтобы ты стала моей женой!
Свидетели, кольца,
Автомобильный эскорт,
Шарики, бантики, конфетти,
Ресторан, тамада,
Торт —
Белоснежное сердце с брусничками крови...

— Давай, купим большую кровать!
Телевизор, холодильник, ковёр,
Хрусталь, прозрачный, как слеза Сатаны.
Толстеющий семейный альбом.
Перспективная работа.
Дела на подъёме.
Автомобиль, новая квартира.

— Дорогой, я хочу ребёнка!
Врач покачал головой,
Поднял умные глаза,
Чёрные, как ложка дёгтя...
Приговор не смертельный —
Всего три года —
Свечи, таблетки,
Чувство вины,
Слёзы в подушку.

— Снова в командировку?
Плащ, костюм, дорожная сумка.
Прячет глаза,
Теребит воротник.
Хлопнула дверь —
Вздрыгнул дом,
Пошатнулись стены —
Фундамент уже не тот.

— Наташа, я должен тебе сказать...
Позвонил вечером,
Ждала и не ожидала.
— Извини... Другая... Люблю... Развод.
Нажмите на паузу!
Прокрутите назад!
Господин режиссёр, измените сценарий!
Тлеет семейный альбом,
Хрусталь блестит, как глаза Сатаны...
Ну, разве, я виновата?

Двадцать семь — без трёх минут жизнь.
Вместе с мужем ушла болезнь,
Отделилась, распалась,
Растворилась в потоке слёз,

Вымылась из организма йодированной солью.
Распрямилась спина,
Ожесточился взгляд,
Аэробика, плаванье — беречь фигуру.
Для кого?

Двадцать восемь — подруга твердит:
Давай познакомлю с Максимом.
Разведён. Не дурак. Свой бизнес.
Подоспел День рождения —
Пригласила обоих.
Вышла замуж сама — помоги подруге —
Исполни закон соращения!
Танцы. Такси. Проводить (темно).
Смелые губы, умелые руки,
Забывтый запах мужчины.

Двадцать девять — в неделю раз,
Да и то все реже и реже.
Видела с другой — молодой красивой —
Заготовка для стервы-жены.
Пришёл. Букет. Бутылка вина.
Не выдержал — остался до утра.
Всё равно проиграла:
2:0.
Что наша жизнь?
Теннисный мячик в руках у Бога-ребёнка!

Тридцать — юбилейным ноликом замкнулся
круг,
Развернулся рулеткой новый десяток.
Вначале думала:
Просто задержка,
Тесты врут,

Не может быть...
Конечно, рожать!
Забилось сердечко,
Задрывались ножки.
Как водится — в муках.
Ему не сказала —
Пусть думает, что не от него,
Пусть вытачивает свою заготовку.

.....

Тридцать шесть и шесть —
Возраст матери, возраст сына —
Температура тела,
Уровень благополучия.
Выкрала, вынянчила,
Свела в ничью: 2:2.

2004

НЕВЕСТУШКИ

Здорово!
Как жизнь?
Просто здорово!
На зависть богам
Добываю из олова золото,
Катаю кольца,
Обручально-венчальные,
Холостяцко-прощальные.
Ставлю клеймо:
«Сделано в бывшем эСэСэСэР.
Проверено электронной бионикой»
Для мальчиков-с-пальчиков
И стервозных мегер.

Сдаю в магазин,
На прилавок, обтянутый бархатом,
Где продавщицы с фигуркой снегурки,
С глазами, потёртыми тушью Maxfactor
Вежливы и любезны,
Как пришедший занять до полочки.
Слащавы,
Как рогалик посыпанный сахаром.

Сучки, добывающиеся финансовой случки.

Подберут размер,
Извлекут из пакетика,
Помогут просунуть,
Направят в кассу.

Женихи в восторге,
Невесты тем более —

Льнут, как нитки к вельветовым брюкам.
Торг окончен, дело за упаковкой:

В салон за обновкой,
В кафе за готовкой.

Оборочки, рюшечки, бантики...
Салаты, свиношечки, фантики...

Налетай! Оплачено!
Отдохнём уматно,
Покушаем смачно!

Крики «Горько!»
Окурки горкой,
Пора и в койку!

Наутро — пожалуйста в будни!
Для раскрутки — фаза медового месяца,
Чтоб от тоски не сразу повеситься.

Гнёздышко поуютней
В закутке приморской гостиницы.
Ресторан с сабленогими крабами,
Пляж с двугорбыми бабами,
Фотограф с треногой штатива.

Пролетело-промелькнуло,
Смахнулось пылью,
Отпечаталось сказочной былью
Прилепилось фотообоиной:

Наклонитесь друг к другу,
Подбородок повыше,

Букетик пониже...
Замереть! Не моргать!
.....

На вокзал.
Встречать.
Твою мать.

Приезжает проведать дочку.
Поворчать,
Протянуть от кольца цепочку,
Обмотать вокруг шеи
(Повторить 2 раза!),
Замкнуть туристическим карабином.

Феном для завивания локонов,
Пилочкой для полировки ногтей,
Тряпкой для сбора сора —
Нагнетай атмосферу раздора!
Скоро-скоро полезут черви из коконов...

Подружка-куколка
Невеста-бабочка...
Жизни сутолока...
Получите! Натё! —
Копия-мамочка!

2004

ПТИЦЕСЛОВ

(поэма для взрослых детей)

Ворона картавое крикнула: Кар!
Пора открывать крыл карнавал!

Голуби на площади,
Под копытами лошади,
На крыше, где полотнище
И в архитектурной нише.
Если с ними не поладят,
То на голову нагадят.

Воробьев стая
Скачет не переставая,
Хлебные крошки
Клюёт на дорожке.
Тонкие ножки,
Пёрышки-егорушки —
Воришки-воробушки.

Скромный скворчик
Присел на заборчик,
Мал да удал —
Сумел-подгадал,
Расчет точен —
На уроке труда
Его домик сколочен,
Про-
во-
ло-
кой
прикручен —
Не страшны тучи!

Синица — цаца —
Из ларца старца
Стащила полпальца сальца.
Ай, молодца!

Курица у колодца —
Воды напиться
Пришла.
Увидела журавля-уродца —
В клюве ведро —
Всё утро дрожала,
Нестись не желала.

Как гусь тянусь,
Надеждой тешусь:
Вот ввысь взметнусь,
А после взвешусь.
Но девяносто килограмм —
Гирей к ногам.

Снегири красны,
Чудесны игрушечно,
Детские сны
Взрывают хлопучечно.
Но до весны задолго
Потерялись, как в стогу иголка.

Белобочка-сорока
Воровка тоже —
Что блестит тащит,
Глаза таращит —
Хочет жемчуга
Да шея тонка.

Соловей-соловушка,
Для тебя в лесу ловушка —
Шибко звонко ты поёшь,
За решётку попадёшь.
Будешь в неволе
Холен-доволен.

Цапля болотная —
Птица высотная,
Нога поджата...
Тс-с-с, лягушата!
Один пострел
Удрать не успел,
Теперь в желудке —
Закончились шутки!

Селезень лелеет
Пера зелень
Уточка млеет,
Да ему лень —
Вышколен-опрятен,
Не желает пятен.

Коршун огорошен,
В небо заброшен.
Круги нарезает.
Далеко глядит,
Много знает —
Куда дорога ведёт
Незадорого откроет —
Тому, кто суслика в норке отроет.

Феникс из пепла,
Из тепла на холод

Вылупился-бился,
Заново родился.
Нахально молод —
Восхититься повод.

Судьба-индейка,
В стакан подлей-ка!
Голытьба гуляет,
Деньги пропивает!
День-
ки —
горь-
ки,
Буд-
ни —
нуд-
ны.
Вином зальё,
Порастет быльём!

Белы-лебеди в беде —
Стонут в ледяной воде,
Тонут в чёрном омуте...
Тот, кто обещал радеть —
Где?
Не успели улететь,
Остаётся лишь терпеть.

В красной шапке —
Дядя-дятел.
Цепки лапки —
Ствол в обхвате.
Деятельно долбит,
Осанку не горбит,

Добывает личинки
Из дерева начинки.

Ку-ку! — Кукушка —
Леса макушка.
Ушлая врушка —
Требует ушко.
Сколько нагадает
Сама не знает,
Вся в заботе,
Детишек — тёте.

Грач за трактором идёт,
Земляных червей клюёт.
Он сегодня очень важен,
Чёрной ваксой напوماжен,
У него серьёзный вид
Он для поля — Айболит.

Трясогузка вся дрожит —
Щуплым тельцем дорожит.
С камушка на камень — скок!
Поскакала под мысок.
Где-то у водички
Спрятаны яички.

Ласточки-береговушки —
Птички юркие норушки,
Между лесом и водой
Быстро носятся стрелой,
И стрекоз и мошкару
Ловко ловят поутру.

Чайка белая

Совсем не загорелая,
Над волной кружится,
На поток ложится,
В воду голову суёт,
Рыбку мелку достаёт.

Орел двуглавый —
Символ державы,
Овеян нимбом
Военной славы,
Скипетр в когтях сжимает —
И прощает, и карает.

Горлом щёлкает певец —
Зазывает под венец,
Это тетерев-глухарь —
Самый главный хахаль-царь.
Так забористо поёт,
Что не слышит, кто идёт.

Филин —
Утром обессилен —
Ночная работа
Тяжела и рвотна.
Круг-
ла
Лу-
на
Леса кро-
на
тем-
на.
До сиреновой зари
Мелочь бойкая замри!

Ворона короткое крикнула: Кар!
Карнавал увял,
Пыл спал с лиц,
Оплыл воск свечей,
Сполз доск с плечей.

Финал.

А был ли бал?

2004

РЕПРЕССИЯ
(2004 — 2007)

Мы — поэты мертвых ушей,
Нас не слушают и не чтут,
Наподобие мелких вшей
Копошимся то там, то тут.

Разрывая помоев гной,
Выбираем, что повкусней
И летит наш протяжный вой
Над Россией, страной червей.

27 сентября 2004

РЕПРЕССИЯ

У тебя депрессия,
А у меня репрессия —
Режет реликвии памяти,
Загоняет в лагерь трущоб мозговых.

Тех, кто твёрд
И не хочет в гроб —
Кулаком — под дых,
Чтоб глаза на лоб из орбит,
Чтобы — вывих и перелом,
Или просто — Карбышевым в сугроб,
Ледяной водой — в монолит,
А потом уже в барахольный хлам
Под бетонную тяжесть плит.

Всё, что знал, что хранил —
Всю тоскливую карму лет —
Всё трамбуется в пепел могил,
Под пирамиду Delete!

Фотографии,
Письма,
Семейный архив —
Всё идёт в перегной,
Под каблук,
Под резак...
Ничего за спиной —
Ни стихов,
Ни молитв,
Только мрак
В провалах души...

Это всё перегруз, чешуя, балласт...
Это камень к моим ногам —
Разве можно жить беспрестанно жуя,
Переваренное сто раз?

Переел,
Перебрал
Тошнота-мутота —
Проблевать поскорее б мозги!
Чтобы память виски
Не сжимала в тиски,
Чтобы стал я, как белень листа.

26 марта 2004

ДЕРЖИСЬ МОЕГО ТЕЧЕНИЯ

Держись моего течения —
Руками за борт хватайся,
Впивайся зубами в весло,
Падай на дно
И глотай
Воздух затопленным ртом,
Как рыбина в сетке сачка.

Знаешь,
Тебе повезло —
Попутчиков мало,
Темна глубина
И глубина вала морского
Тяжестью тысячи тонн
Раздавила б тебя, дурачка,
Перемолола в планктон...

Знаешь,
И мне повезло —
Скучно в пути одному —
Дельфины,
Русалки,
Морские львы...
Мокрые, гибкие спины,
Пластик тугих плавников,
Хищные пасти любителей сельди...

Извивы мозгов их
Изъедены солью,
Водянисты
На цвет и вкус,
Существо с человеческой болью

Для них непосильный груз.

Нет, конечно, дельфины спасают —
Выносят на сушу тела,
Провожают корму корабля,
Развлекают скучающих дам,
Но тоски человеческой тушу
Они не вынесут никогда!

Эта ноша для нас, двуногих,
Это тяжесть, которая гнёт.
Это, если угодно — помёт
И господь велел им делиться.

Плакаться в жилетку другу или маме,
Тыкаться в гостеприимную плоть.
Перед образами чужих глаз
Выжиматься, как губка
В гранёный стакан-алмаз
Распустившей уши души.

Облегчение —
Симуляция для непосвящённых,
Сосуды сообщаются горлышками голов,
В их золотом сечении
Равновесие узаконено абсолютном,
К уравнению будь готов!

Ружейной отдачей,
Плачем праздничного салюта
Вернётся чужая тоска,
Срастётся, размножится вирусом,
Лишит уюта,
И замаскированный плюс

Снова окажется минусом.

И снова будешь искать
К кому пристроиться паразитом,
К какому отверстию припасть,
Чтобы избавиться от огня,
Гнетущего изнутри.
И снова рублёвская троица
Над тобой посмеётся всласть,
Пряча в кулак беззаботной руки
Жемчужины жёлтых зубов.

Слышишь?
Не отходи от меня
Ни на шаг,
Не заплывай далеко за буйки!
Вёсла к груди,
А потом во мрак
Горько-солёной воды —
Погружай,
Чешуйки лунного света
Лодчонкой ладони — лови,
Взглядом сонным себя провожай
В океане всеобщей любви.

3 — 5 апреля 2004

Играя словом — крысиным ядом —
В красивом жесте сгибая руку,
Будь агрессивным,
Оловом мягким
Спаивай,
Словно волшебным напитком,
А потом,
Утомлённых маревом лени,
Режь без ножа,
Кромсай без страха,
В пене топи
И топчи ногами.

Жалкие жертвы железной жизни,
Глухонемые по доброй воле
Взвоят, взовьются волной от боли,
Выбегут в сени,
Но будет поздно.

1 апреля 2004

Писать много,
Писать долго,
Чтобы с порога была видна книжная полка
С томами под цвет васильковых обоев
Или глаз, обнажённых хамелеонами линз.

Писать правильно,
Чтобы двустволка стреляла,
Чтобы край одеяла
Открывал только краешек плоти,
А все остальное — чувства и мысли
Без примеси сажи и копоты похоти.

Писать осторожно,
Тискать слова внимательно,
Как старая прачка —
Не мять и не пачкать,
В мелочи вникать обстоятельно,
Нырять глубоко,
Обычную пачку бумаги превращать
В стопку матёрых страниц.
Не забывать про абзацы и отступы,
Переносы и сноски,
Эпиграфы, комментарии —
В филологическом древе-дендрарии
Выращивать бархатистые персики
На червивом древе познания.

Да, чего там! —
Писать с расчетом.

15 апреля 2004

ТОЛСТЯКИ

Не наследи в нашем культурном наследии!
В кирзовых сапогах в комнаты не проходи!
Погоди,
Дорогой мальчик,
Вон там посиди,
Полистай журналчик.

Видишь,
Тут все степенные люди —
Образованы,
Премированы,
В каталогах пронумерованы.
Бородаты, усаты,
Не пьяны, но, бывает — поддаты,
Закладывают за обложки книг...

А ты кто?
Не родственник,
Не протеже,
А гениев давно не рожают уже.

Ну, что ты поник?
Ты какой-то недобрый, злой...
Понимаешь,
У нас тут — культурный слой,
Понимаешь,
У нас тут — культурный пласт,
И каждый горласт и горазд,
И каждый клыкаст и мордаст,
И каждый ещё «Ого-го!»
Сто очков претендентам даст!

Так что, милый, давай-давай —
Посидел чуть-чуть и иди,
Вас таких — пруд пруди,
А нас — всего ничего,
Но мы друг за друга горой!

Дверь поплотнее прикрой
И своим передай от нас:
Сформирован иконостас!

13 февраля 2007 г.

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Мы обитаем в символах,
В обозначениях сущего,
Если бы не было реестра
Указующего и ведущего,
Мы давно утонули бы
В какофонии оркестра,
Лбы расшибли бы
В мартовский блин.

.....

С л о в о символ Л ю б о в ь

Люди спорят века,
А я прочитал
У Даля коротенькую заметку,
Но сначала на собственной шкуре
Аверс-реверс медали познал,
И, зажмурив глаза,
Извлекал пинцетом
Из скважины сердца
Свинцовые пули,
А потом —
Отлил из них статуэтку.

.....

С л о в о символ С в о б о д а

Краснопресненский флаг
И кубинский берет набекрень,
Надзирателя труп,
Погребённый обломком стены,
Обналиченный лотерейный билет,
Отпускные, диплом, аттестат...
Лошадиный круп и степной простор,
Взгляд на проблему под новым углом,
Вечноприветливый друг-светофор.

.....

С л о в о символ С т р а х

Это детский бабай
С рогами козы,
Это тра-тарарах
И кошмарные сны
В главной роли с тобой,
Это пепел и лава Везувия,
Это жёлтая пена Безумия...
Комендантский час и облава,
Кладбищенский трепет при свете Луны,
Ожидание боли без права спастись.
.....

С л о в о символ С м е р т ь

Деревянный угрюмый костюм
С зелёной кокардой венка,
Бесценный цинковый груз
С маркировкой пустых глазниц
Привезённый из чеченского далека,
Смайлик-Роджер с косой-улыбкой,
Ядовитый гремучий укус
Гибкой твари в болотной жиже,
Конечный продукт — жизни,
Побочный — больниц.
.....

Словосимволы —
Наша среда обитания
Наш негласный взаимный обет:
Придавать конкретные очертания
Тому, чего попросту нет.

5 — 8 апреля 2004

Вырвал сердце, как зуб из десны,
Кудесник щипцов и станка сверлильного,
Чтобы у этой проклятой весны
Не было шансов меня одурачить.

Превратился в стерильного —
Но в груди болит
И душа кудахчет:
Может, напрасно слащавую плоть
Изверг изверг?

Может, лучше сердце полоть,
Как грядку морковную,
Удаляя пырей и осот,
Чтобы потом
Наслаждаться мякотью губ,
Разомкнутых светодиодами?

Но,
Поздно метаться —
Сердце — труп.
Аппарат кровогонный
С шейками трубок
Стучит о днище
Помойного бака.

Рад — не рад —
Пока не решил,
Но извилины чище —
Свободны от
Холестерина любви.

Апрель 2004

ВНИМАНИЕ

Подавайте в развёрнутом виде
Документы,
Подарки,
Сердца...
Размотайте клубок из оранжевой шерсти,
Как котёнок пушисто-ушастый
До ядра,
До конца,
До нутра...

Проводите под арку,
Придержите
за локоть,
Предупредите
движения прежде чем...

До утра оставайтесь
И даже до вечера —
Не стесняйтесь себя!
И пускай вам твердят,
Что вниманье к другому
Должно быть застенчиво —
Это все от лукавого —
Нечего. Нечего!

Если взгляд человека раскрылся
Бутоном доверчивым,
Если ваши ладони
Поймали тепло,
Значит вам повезло,
И простейшим законом
Безудержной нежности
На колени повержено зло.

Апрель — май 2004

Первый блин, как всегда —
В горле комом —
Стоит, подбоченясь, раздвинув локти,
Выпятив жигулёвское пузо —
Шар бильярдный
Закийнутый в лузу
Грузным подарочным пряничком,
От которого падаешь
На пол ничком
В пепел окурков
И в плесень плевков.

Неудача, страшна —
Косит под смерть,
В косынке с косой:

Накося, выкуси!

Ползу, огибая ножки столов,
Как паразит в каше кишок.
Подбадриваю себя:

Все будет ОК!

Но остренький каблучок
В позвоночник впивается...

Она ещё здесь,
Чувствую запах её —
Изо рта, из-под юбки...
Напоминает громко и строго:

Ты — червячок!
Человечек... для развлечения Бога...

14 мая 2004

Замочили в сортире мачо...
А какой был красавец!
Шляпа с полями,
Усы-тараканы,
Раскуривал смачно сигару «Гавану»,
Опustoшал один за другим стаканы...

А теперь на заплёванном кафеле
Кровоточит опрокинутой бочкой,
И черепа черепки хрустят под ногами,
Как свежие вафли с вишнёвой начинкой...

Огуречный рассол не вылечит,
Не прольется бальзамом текила,
И уже бесполезна вся сила магии яки...

Не было даже драки —
Просто — бейсбольной битой в затылок...

За что же злодеи сгубили парня?! —
Слишком любвеобилен был,
Распускал загребущие руки,
Пялил глазищи, куда не надо...

Хорошо остужает пыл туалета прохлада...

30 июня 2004

ТРАМВАЙ

*у остановки вечнозелёного мая
дети играют
с лучами-апельсиновыми-корками.*

Алевтина Дорофеева

У трамвайной остановки
С названием социалистическим —
«ДК имени Первомая» —
Дети играют в футбол апельсином —
Цитрусом аристократическим.

Пинают. Сминают. Забивают гол
В ворота — под старую лавку.

Рядом железные чудища
Стучат о рельсы колесами.
Внутри — пассажиры,
Замучены неудобными позами,
Переживают обычную давку. Ворчат.
Из окон торчат их острые локти,
Как клювики юных скворчат.

Вдруг — искры из-под колес!
Скрежет и лязг!!!
Вагон сошёл, покачнулся, упал.
На красном боку ещё метров тридцать прополз —
Металлом визжал.

Стоны. Крики. Ругань. Плачь.

Водитель трамвая — лихач-палач —
Вчера бухал.
Утром еле-еле глаза продрал,

Внутренности проблевал,
В депо побежал.
Никому-ничего, естественно, не сказал.

Врачиха — дура по имени Алла —
Путевой лист, не глядя, подписала,
Была занята — пломбир лизала.

Результат налицо:
У трамвайной остановки,
Там, где кольцо,
Под лавкой,
Рядом с цитрусом оранжевым,
Лежит голова, отрезанная заживо.

25 августа 2004

МОНЕТКИ

Осень — золото.

Лето — медь.

Мне греметь в кармане мелочью звонко,
Ловить монеты, как карасей в банке...
Вот одна — маленькая,
Как ноготь ребёнка —
Георгий святой, поверженный змей —
Последний из рода чешуйчатых тварей...
Инакомыслие,
Инако-всякое —
Топтать копытами породистых лошадей...

Но у монеты лицо двоякое!
Было время —
Георгия били в лицо каблуком
В кабинете следователя ЧК,
Отделяли церковь от государства,
Почки от спёкшегося нутра...
А наутро распяли трёфовым тузом
Во славу небесного царства.

Я не плачу, я лишь плачу,
За чужое — святое,
Своё — греховное,
И невидимому палачу
Отдаю золотое, кровное...

10 июня 2004

Я себя под Путиным чищу —
Выдавливаю прыщи,
А он над зеркалом
Белеет борцом —
Стрижка короткая,
Кимоно,
Взгляд с прищуром —
Вот-вот
Схватит за лацкан и киданёт!

Буду биться руками о мат,
Матерясь от боли приёма...

Усмехнётся, отпустит,
Вернётся в икону,
Переоденется в чёрный костюм.

Буду молиться
До боли в коленных суставах,
А когда надоест —
Выплюну выбитый зуб
И подумаю: выборы скоро...

Сделка с собственной совестью...
Сиделка уснула,
Лицо уронив на локоть руки,
Зачитавшись любовной повестью...

Шаги караула затихли
В каменных складках квартала,
Рыхлые тени сползли,
Как сползает край одеяла...

Самое время теперь
Красться в гнилых потёмках,
Втихаря раздвигая заросли мыслей,
И бояться: не скрипнула б дверь!

У фонаря затаиться —
Слиться с серым и грязным,
Потом впитаться в фон.
Золотые монеты в кармане зажать,
Чтобы не выдал библейский звон.

А может быть зря?

Кто-то в спину толкает: Давай-давай!

Оглянулся: Я...

1 – 2 июня 2004

Выстрели первым! —
Пусть бегут неуклюже
Потоки крови!
Пусть освобождается тело
От стервозно-навозной жижи...
Пусть закаляются сталью нервы.

Ты убийца —
Всегда наготове.
Ладони твои
Пахнут смертью и порохом,
Но ты заслужил своё право
Не терзаться укорами совести.

Потрогай кончиком сапога —
Точно ли кончено?
Труп ли труп?

Вложи ему в руку
Обрез ружья.
Краешком губ усмехнись —
Кто ж не поверит затейливой лжи?

Стряхни соринку
Со своего милицейского погона...

Нежнее! Нежнее!!!
Ведь он — твоя лицензия на убийство,
Твой крепкий поручень над бездной закона.

8 июля 2004

ПАВКА

Корчагин корчился, околевал,
Узкоколейку строя,
Он был почти что идеал
Бойца-героя.

Он и сейчас, как монумент
На книжной полке —
Омоноличенный цемент
Трудяги-пчелки.

За что я так его люблю?
За честь и веру,
За то, что не сломать рублю
Звезды фанеру!

24-27 сентября 2004

НЕГАТИВЫ

Я просматриваю негативы,
Перебираю целлулоидную стопку —
Бывает забавно, среди одетых и гладко выбритых,
Обнаружить голую женскую попку...

Прошлой жизни немые мотивы —
Двухмерные призраки фотопространства —
Мамы, папы, дети, собачки —
Иллюзия благополучия и постоянства...

Всё, что наряжалось и улыбалось,
Запечатлелось мутными кадрами —
Случайными и парадными,
Толпой и в обнимку,
С прицелом тщательным и
Как попало —
Без внимания к будущему снимку
И нацеленному объективу.

Большая коробка
С витиеватой надписью-эпитафией...
Целлулоидная стопка —
Отражение жизни:
Не каждому негативу
Позволено стать фотографией...

2 июля 2004

СЕКС-БОМБА
(2004 — 2007)

Люби её глубже, нежнее и дольше,
Не важно где — в Англии, Латвии, Польше,
Берлине, Париже, Египте, Иране...
Люби её в лифте, люби её в ванне,
Люби на снегу и в июльской аллее...
Люби её чаще, люби её злее!

2007

Женщина с аппетитными формами
Съедается за обедом и ужином,
Как правило, — на десерт.

Переносится на мольберт и холст,
Выписывается тщательно
И, желательно, — в полный рост.

Приглашается в театр и на концерт,
Пропускается в двери с возгласом «ах!»,
А может — и с возгласом «ух!»

Но будь осторожен —
У неё отличный слух!
У неё великолепный нюх
На толстые кошельки
И валютные счета.

Женщина с аппетитными формами
Другим не чета.

29 июля 2005

Ароматные женщины в коридорах власти
Выстукивают каблучками бравурный марш,
Выдувают колечки из накрашенной пасти,
Перемалывают косточки в фарш.

Ароматные женщины в приёмных замов
Шлифуют пилочками блёстки ногтей,
Охраняют высокопоставленных хамов
От натиска отчаявшихся матерей.

Ароматные женщины в служебных машинах
Мчат за обновками по специальной цене,
Отлично разбираются в шубах и винах,
Говорят на английском прилично вполне.

Ароматные женщины на работе и дома
Благоухают, без перерыва на обед и сончас,
Они были зачаты в лабиринтах горкома
Вдали от гула народных масс.

15 августа 2005

Чёрный треугольник твоего тела
Подстрижен, ухожен, как лужайка у Белого дома,
Облагорожен каймой кружевной (умело)
В лучших традициях Агитпрома.

Чёрный треугольник твоего тела
Сплетается змеями Медузы Горгоны,
Смещается в такт движениям «VELO»,
Подчиняется и многим другим законам...

Чёрный треугольник твоего тела —
Усечённый Малевич, концепт-арт,
Навязанный модой евростандарт,
Превращается в заросли, если недоглядела.

Чёрный треугольник твоего тела —
Бермудская тайна покрытая тканью,
Указание направления к твоему желанью,
Перегорожен шлагбаумом красно-белым.

11 августа 2004

У тебя между ног — мой бог,
У него кудрявые волосы и борода,
Красные губы на поллица,
Но слеп он, как всякий житель небес.

Поэтому я для него
Всего лишь незримый бес.

11 ноября 2005

Ваши взоры так печальны,
Ваши мысли так ясны —
Откровенно аморальны
В предвкушении весны.
Ваши взоры слишком томны,
Мысли — слишком веселы,
До отчаянья нескромны,
До безумства тяжелы!

Брось умирать умирать всю меня в круглой ванной
Эрозия

Брось меня умирать — ввысь,
Научи меня прожигать — жизнь,
Излюби меня всю — до пят,
Процеди через губы м мой яд.

2005

А ты расстёгиваешь губы,
Роняешь пуговицы на пол,
Ты хочешь, чтобы кто-то грубо
Тебя за ягодицы лапал.

Ты хочешь быть безумной кошкой,
Волчицей выть от дикой страсти,
Разверзнуться пустой матрёшкой,
Исторгнув дьявола из пасти...

В ладонь твою струятся соки
И, загустев от ожиданий,
Ласкают тайные чертоги —
Вместилище ночных страданий.

Ты вся сгораешь и трепещешь,
Ты полностью во власти низа,
Но, чем нежнее ты, тем хлеще
Бьёт по щекам любовник-призрак...

И, в поисках конечной точки —
Прекрасной судороги лени —
Ты рвёшь нательные цепочки,
Сжимаешь потные колени...

На самом краешке дивана,
На самом краешке обрыва,
Ты пьёшь печаль самообмана
Под звуки вечного мотива.

12 июня 2004

Шорох платьев,
Как шорох листьев...
Они похожи —
Цветут, выцветают,
Трепещут от ветра,
Обнажая стройность,
Кружатся в танце
И опадают
Чтобы,
Как только
Пригреет солнце,
Снова вернуться
Свежестью красок.

7 июля 2004

Источая телом влагу,
Что от чая и от сока,
Ты лежишь, листаешь Блока
И твердишь, что очень жарко...

Кофеварка солнцепёка,
Золотые зёрна плоти...
В тень сбежать!
Но мозг заботит
Ультрафиолета похоть...

Перевёртыш-шоколадка —
С боку на бок...
На животик...
Чтобы ровно,
Как мулатка,
Без следов от узких лямок.

Солнце медленно вращает
Жернова или колёса,
Развращает, разлагает,
Как бальзаковская проза...

Источая ароматы,
Что от чая и от мяты,
Ты лежишь и ожидаешь
Соответствия палитре,
Чтоб из бронзы быть отлитой,
Чтоб притягивались взгляды...

13 мая 2004

Ты многоразовая секс-бомба —
Куски твоего тела разбросаны по Интернету.
Ты упала хрустальной вазой на мраморный пол
И разлетелась миллионом осколков...

Можно было бы:
Склеить — но останутся швы.
Заново отлить в старой форме —
Но мама твоя умерла...

Так, что же тебе остаётся? —
Ранить безусых юнцов,
Заставляя биться в руках
Их неокрепшие джойстики...

17 ноября 2005

Разложи меня на молекулы, на мельчайшие атомы,
А потом собери, как захочется.
Буду, как детище Франкенштейна — с заплатами,
Челюстью буду клацать, пока не сточится.

Знаю, что Ален Делон у тебя не получится,
Потому что в науке ты — полная дурища!
Бросишь меня, и буду мучиться —
Изуродованная, влюблённая фигурища...

Разозлюсь на всех и сгорю в пожарище,
Разве глыбе такой стоит вешаться?
Эх, мне бы в жизни одного лишь товарища,
Чтобы было, в чьей жилетке утешиться!

27 сентября 2004

Ты проверяешь меня на прочность

София Чарская

Я проверяю тебя на прочность,
На порочность и девственность губ,
Поглощаю упругость и сочность
Сосредоточенно, как инкуб.

Как змей-искуситель терзаю тело,
Погрязшее в чистоте белья,
Проверяю тебя умело,
Как делаю только я...

Май—июль 2004

Будешь рядом — незаметна,
Недвижима и нема,
Неосознанно конкретно
Продолжать сводить с ума.
Окунать в тепло и муку,
Подливать вино и тьму,
Не протягивая руку,
Не ревнуя ни к кому.
Будешь медлить, не решаясь,
Ускорять и торопить,
Будешь жить сама не зная
Для чего меня губить...

Я умываю сердце слезами,
Немного крови, немного мыла...
Письма с простуженными адресами
Жёлтая папка напрасно копила.

29 июля 2004

Я бродил между белых высоких холмов,
Любовался верхушками алых сосков,
Наклонялся к колодцу, смотрел в глубину,
Наблюдал терпеливо прилива волну...

Углублялся в дремучий задумчивый лес,
Суетился героем классических пьес,
Растирал между пальцев комочки земли,
Провожал за чужой горизонт корабли...

На отрезки секунд бесконечность деля,
Я опять докатился до слез декабря,
Но теперь, расквитавшись с остатками тьмы,
Буду жить, как и все – от зимы до зимы.

23-29 декабря 2005

У тебя волосы цвета спелой вишни,
Ты аппетитная штучка — я тебя съем!
Только бы не подавиться косточкой
И вовремя выплюнуть.

2007

НА ЗИМНЕЙ ДАЧЕ

Гроздь червивых горьких ягод —
Нитка прошлогодних бус —
Неизведанная мякоть,
Нераспробованный вкус.

Ты забыла их случайно
В том июле на столе
Рядом с вазочкой хрустальной,
Перепачанной в желе.

Что теперь отягощает
Шейку тонкую твою,
Замирает и мерцает
В подражание огню?

Тяжеленные алмазы
Или искры янтаря
Ярко вспыхивают сразу
В белом свете января?

Ты хотела стать богатой,
Накупить авто и шуб,
Хвастать трехэтажной хатой
И иметь свой личный клуб.

Знаю, своего добьёшься —
Через труп перешагнёшь,
Ты в лепёшку расшибёшься
И другого расшибёшь!

Будешь в золоте купаться,
Будешь в золоте тонуть,
Будешь с дьяволом ***ться
Лишь бы «счастья» отхлебнуть!

4 мая, 27 сентября 2004

Она — москвичка-истеричка,
А я — провинциал.
У неё — смазливое дворянское личико,
А у меня — трущобный оскал.
Она — покуривает сигаретку,
А я махорку тяну взатыг.
У неё — юбка в шотландскую клетку,
А я на рубашку пустил красный стяг.
И всё же, при свете неоновой лампы,
Утопая в перине взахлёб,
Она допускала к себе мои лапы,
И я её ласково ***.

2004

Девѳца-рукодельница
На подругу дивится —
Бездельница-шаловница
Замуж за иностранца
Выскочила,
Выгоду сочла быстро
От и до рассчитала,
Стала серебряста
И нарядами ала.

2004

У тебя менструальные циклы,
У меня — стихотворные,
Я по ночам улетаю
В пространства астрально-ментальные,
А ты ворочаешься, переваривая снотворное.

Ты мне говоришь про Париж,
Про поля Елисейские, бутики и Монмарт,
Перебираешь бусинки на породистой шее,
А я заглядываю в вырез твоего платья
И вижу ожоги чужих поцелуев.

2004

*У меня третий размер груди и упругая попа,
И потенциальных любовников можно складывать,
как монеты в свинью-копилку.*

Любовь Лебедева

У меня третий размер груди и упругая попа —
На тренированной плясками в ритме хип-хопа,
А потенциальных любовников можно складывать штабелями,
Ну не трахаться же, в самом деле, с этими кобелями?

Разве для этого я вышагивала километры?
Кутала стройные ноги в тёплые гетры?
Надевала короткие юбочки и терпела чужие загулы?
Кусала красные губы посильнее акулы?

Я усталая девочка, я улетаю к богу,
Ангелы уже присмотрели для меня уютненькую берлогу —
Заберу с собой лишь свинью-копилку,
Чтобы никто не тыкал в бедняжку вилку...

2 января 2005

Ты одна.
Живёшь, как дремлешь,
Ждёшь свою весну и сказку,
Потому что не приемлешь
Торопливую развязку.

Потому, что не желаешь
Быть улыбочивой подстилкой,
Потому что твёрдо знаешь,
Что любовь едят не вилокй.

Для неё нужны другие —
Не столовые приборы,
Чтоб завяли все людские
Сплетни, слухи, разговоры...

Чтоб всё было — честь по чести,
Не запачкать, не придраться,
Чтоб счастливнице-невесте
Через год не разрыдаться.

.....

Ты одна.
Живёшь, мечтаешь —
О цветах и страстных ласках,
Но о главном забываешь —
Хэппи энды только в сказках.

5—6 февраля 2000 г.

20 августа 2005 г.

**В ЛАСКОВЫХ ЛАПАХ
ЛЮБВИ**
(1998 — 2007)

Ты — моя Печаль и Нежность,
Ты — безмолвие экрана...
Наша встреча — неизбежность,
Словно яд на дне стакана,
Словно ожиданье боли
Или неба созерцанье,
Воплощенье новой роли,
Новой муки созиданье...
Тайных мыслей порожденье,
Скрытой страсти преступленье,
Неизбежно пораженье,
Если хочешь больше власти.

Если хочешь больше чувства
Или нежного движенья,
Не надейся на искусство
Мнимого преображенья...

Жди и может быть дождешься,
Спи и может быть приснишься,
Как услышишь — обернешься,
Как увидишь — воплотишься...

Я — твоя мечта о лете,
Ты — мой сон осенний, жгучий,
И как всё на этом свете —
Наша встреча просто случай...

Она пишет плохие стихи
И хорошие письма маме
Туда, где кричат петухи
И цыплята снуют под ногами.

Туда, где река Енисей
Сближает два горизонта,
И старый домик среди полей,
Который год без ремонта.

А город — большой и злой,
Как собака из фильма про Холмса,
Режет стальной пилой,
Душит колготками Omsa.

Фрутеллой тает во рту
Возможность сделать карьеру,
Да только не сдвинуть черту
Щупленькому инженеру.

16 — 17 марта 2005

Будешь тоненькие свечи
Задувать,
Бесконечно длинный вечер
Коротать.

Разливать вино в бокалы
Без гостей,
Кутать ноги в одеяло —
Потеплей.

Обернёшься — взгляд твой канет
В никуда.
Кто ещё тебя обманет
И когда?

Кто ещё тебе приснится
В эту ночь?..
Будут мокрыми ресницы
И невмочь

Оттого, что не примчится,
Не придёт,
Тот, с кем думала продлится
Прошлый год.

Он ушёл и сердце плачет —
Ты одна,
Пьёшь шампанское иначе —
Не до дна,

Разрезаешь на кусочки
Вкусный торт,

Маслянистые цветочки —
Высший сорт...

Этот грустный День рожденья —
Пыль и мрак...
Захотелось угощенья —
Просто так.

Упадут в бокалы льдинки
Ни к кому,
Это — грустные поминки
По *нему*.

14 января 1998

Читаешь, думаешь, мечтаешь,
Хотя уже почти не ждёшь,
И мимо чашки проливаешь,
И со стола роняешь нож.

Грустишь, и в строгости невольной
Спасенья ищешь и себя,
В потёмках истины подпольной
Уже лет десять не любя,
Не зная и не понимая
Происходящего вокруг,
Какой-то тайны ожидая —
Идёшь, но даже не на звук —
На взгляд, почти не осязаемый
За пеленой ночных зарниц,
За чередой скользящих лиц,
Которым ты необходима,
Пока ещё прельщает глаз
Упругость полукруглых бедер
И твой искусственный алмаз
Не стерся весь о дужки ведер.

14 декабря 2000,

24 сентября 2004

Женщины любят романтику,
Обожают таинственность,
Рады любому фантику
И слову «единственная»...

Завтра начинается с завтрака — с бутерброда и чашечки кофе,
А потом продолжается выхлопом сигаретного дыма,
В организации пищеварения ты — начинающий профи,
Только поэтому часто стреляешь мимо-

Ходом читаешь заметку в газете
О межзвёздных баталиях и бракоразводных процессах,
Понимаешь, что ты не одна оказалась в кювете,
На обочине жизни, но всё ж при своих интересах!

Ты свободна, и степень возможных поступков
Высока, но смущает отсутствие крыльев,
А душа тяжела, и пропитана жизнью, как губка,
Что используешь в ванной, душистым комочком намылив.

Мелочи домашнего уюта,
Символы отлаженного быта —
Самая весомая валюта,
Самая доступная орбита.

Из никчёмных вроде бы предметов
Создается крохотное счастье —
Из обоев, ваз и табуретов,
И котов разнообразной масти.

Все это мучительно знакомо,
Все это как будто неизменно,
Но страницы старого альбома
Грустно шепчут — наше счастье тленно.

15 ноября 2004

Будут солнечные блики
На твоей шалить стене,
Шевелить на полках книги,
Занавески на окне...
Будут прыгать и смеяться,
На пол брызгая рассвет,
Предлагая отказаться
От любви, которой нет...

И ты устанешь восхищаться,
Насытишься моим теплом,
Захлопнешь пыльный книжный том
И нужно будет возвращаться
Туда, где до сих пор была —
Лениво-медленно плыла,
Не торопясь с дождём сливаться,
Не заставляя зеркала
Прекраснее, чем есть казаться.
Туда, где грязно-бурый снег,
Объятия без поцелуя...
Где каждый день, тебя минуя,
Реальность ускоряет бег

2000-2003

Мне с тобой не целоваться,
Мне с тобой не танцевать —
В жалком рубище паяца
Невозможно милым стать.

1 сентября 2004

Так, ты уходишь от меня —
Без остановки, без оглядки,
Решительность — твоя броня,
С тобой и с нею все в порядке.

Со мной — немножечко не так, —
Я удручен и уничтожен,
Я обманулся, как дурак,
И, как монарх теперь низложен!

Теперь — полцарства за коня,
Чтоб ускакать и затаиться,
Чтоб заново не соблазниться
Сиянием другого дня.

22 июля 2000,

20 августа 2005

НОЧНОЙ КОШМАР

Солнце снилось
Обугленным шаром,
Разрывалось,
Бросалось в глаза пожаром...
Убегал,
Подбирал золотые монеты,
Думал,
Хребты ломая,
Где ты?

Продирался
Сквозь сон и колючие ветки,
В голове
Телефоны, записки, заметки...
Не забыть,
Рассекретить свои идеи!
Не дают покоя,
Душат,
Как змеи...

Сушат губы
Ночные ветры,
Под босыми ногами шуршат километры...
Просыпаюсь,
Вмятым в чужую подушку:
С потолка вода собирается в кружку,

Выливается на пол,
Переполюнясь...
Снова проснуться бы!
Не засыпая...
В мир,

Где мгновенья тобой согреты...
Стенам кричу:
Ну, где же ты?!!
Где ты?

27 июля 2004

Костёр невырвавшейся боли —
Оранжевый, горячий свет,
Второстепенность главной роли
Оставит треугольный след
И будет долго плыть за мною...
И выйдет что-то небольшое,
Похожее на твой портрет.

Влажность — не твоих губ,
Нежность — не твоих рук,
Снова я рублю сук,
Потому, что я — дуб.

11 января 2006

Твои глаза, как два обмана.
Как два наркомана —
Пришли за зельем,
А тот, который из-под полы, говорит:
Приходите завтра!
А я хочу сейчас
Погружаться в твои глаза,
Как в образа православного храма...
Твой макияж — это нимб, золочёная рама...
Без прикрас твой взгляд прозрачнее.

2004

Сделай меня начальником своих тёмных ночей,
Выдай жезл и высокие сапоги,
Научи пустоцветию длинных речей
И умению различать шаги.

У изголовья поставь мой высокий трон —
Чтобы было рукой подать,
Чтобы мог я кошмарный сон
По дыханию вычислять.

Буду рядом, к команде любой готов,
На невидимой прочной цепи...
Буду лучшей защитой от всех скотов,
Буду Верным. Спокойно спи!

Сны твои к моей квартире
Сквозь дождливое пространство
Всё плывут и в зыбком мире
Ткут незримое убранство.

Льнут к моим безмолвным окнам,
Ждут ответа и решенья,
Стонут в сумраке холодном
От тоски и униженья.

Я молчу. Мой взгляд отравлен,
Скован медленной тревогой —
Я в безмолвье переправлен
Гайаватовской пирогой.

Там, за тонкой гранью мира,
На краю другой вселенной
Я учусь писать пунктиром
Буквы тайны сокровенной...

Сны ж твои — иного рода —
Слишком яркие, слишком звучны,
Но, как части бутерброда,
Наши души неразлучны.

26,31 октября 1999,

8 августа 2004

Я хочу быть повешенным
Между твоих грудей,
Болтаться кулоном или распятием,
Любоваться снизу произведением бигудей,
Ежесекундно касаться
Оснеженных тайдом вершин,
Забираться под блузку
В разрез декольте...

Если попросишь —
Показывать время (от Рождества)
Стрелками усечённых рук,
Божество в услужении у божества —
Это улыбка космических губ.

Это сейсмических вьюг прилив.
Это разбег, и в пропасть прыжок.
Ведь, по сути, любой человек —
Это маленький, но все же божок...

Отражая нескромные взгляды коллег,
Наглецов кровожадно слепя,
Я обожаю наряды твои,
А из своих одеяний — тебя!

Я хочу быть повешенным
Над могилой твоей —
Охранять беспокойный сон,
Я самый преданный из друзей,
Самый драгоценный кулон...

15 июня 2004

Ты меня лечила шоколадным напитком
В белой чашке с тугим голубым ободком,
Отделяла кусочек коричневой плитки,
Растворяла его кипятком.

Добавляла слезинку и капельку грусти,
Чтобы не была приторна тёмная сладость,
Все надеялась — сердце больное отпустит,
Разомкнёт клыкастую пасть.

Я старался сквозь боль тебе улыбнуться,
Отогнать от себя неизбежный кошмар,
Но коварное сердце не желало очнуться
И слабело за ударом удар.

Ты меня убила шоколадным напитком.

5 июля 2004

Ты — печальная песня рассвета,
Перекрёсток дождливых миров,
Недовыпита и недопета,
Как течение прерванных снов.

Ты прекрасна и ты безучастна
К поворотам событий и дней
И поэтому полностью властна
Над судьбой неприметной своей.

Ты грустишь, но иначе и реже,
Чем другие под той же луной,
Суицид твой давно обезврежен
И сожжен самой ранней звездой,
Самой яркой и самой желанной,
Голубой, как бессонница глаз...

Ты — бессмыслица песни гортанной,
Перепетой в стотысячный раз.

10 июля, 8 августа 2004

ПРЕДСМЕРТНАЯ ОСЕНЬ

(2004 — 2008)

Внезапно оборвётся нить
Дарованного свыше света,
И как тогда повременить?
И как тогда дожидаться лета?
Разорван круг,
И глубина
Уже сомкнулась тихим всплеском,
И жизнь коротеньким отрезком
В чужой архив удалена.

2007

Я стихов почти не пишу,
Я совсем не дышу озоном,
Я под дудку чужую пляшу,
Я работаю серым фоном.

Быстро высохла акварель,
Замутились цветные краски,
И сменился давно апрель
На сентябрь сырой и вязкий.

Затупился мой карандаш,
Раскрошилась пастель в коробке,
И стихов небольшой тираж
Затерялся иголкой в стопке.

2007

Утоли мои печали,
Разгони тоску,
Покажи другие дали,
Волю дай виску, —
Чтоб под дуло пистолета
Он не угодил,
Чтоб до будущего лета
Мне хватило сил
Дотерпеть, не торопиться
Подводить итог,
Дай мне время убедиться,
Что и здесь есть Бог!

2007

Мне бы солнечного лета
Выпить и не захлебнуться,
Не обжечься, не загнуться,
Не испортить бы сюжета.

Мне бы выпить и забыться,
Подперев рукою щёку...
То, что в сердце шевелится —
Не исполнить так — с наскоку.

Кто-то скажет — нет запрета! —
Пей! — быть может легче станет,
Может, жизнь и не обманет
И подарит два билета.

Может, выбросит в окошко,
Перережет, перекроет,
И останется — немножко —
То, что сердце успокоит.
.....

Я держу осколки света —
Не могу налюбоваться,
Мне бы солнечного лета
Выпить и не разрыдаться.

Ночь в бездонные объятия приняла,
Обхватила, обернула, обняла...
Обманула — не вернула поутру —
Кто же знал, что этой ночью я умру?

2007

Ночь.
Не спится.
Нету месяца.
Грустно мне —
Хочу повеситься.
Спица тычет в ситец сердца —
Петли, петли...
Суп без перца
И бокалы без вина.
Жизнь скучна.

2007

Рассыпать бусы и собрать,
Не соблюдая очерёдность,
Не собираясь умирать
И вскорости прийти в негодность.
Согнуться, струсить, уступить,
Пересчитать и ужаснуться,
И, падая, опять проснуться
И побрести на кухню пить...

Осень высекла проседь на тёмном виске,
Принесла в туюске подмороженных ягод
И подвесила счастье на волоске
Над болотистой пропастью жизненных тягот.

И тебе не уснуть под безмолвный конвой
Круглолицей Луны, шепелявой старухи,
Забывающей в раму окна угловой
С еле слышным под утро шлепком оплеухи.

А на кухне из ржавого крана вода
Утекает по капле в бездонные трубы,
И безудержно ноет внутри живота
Поседевшей души одинокий обрубок.

24 сентября 2004

Старость имеет запах —
Нафталина и шелушащейся кожи,
Провожающие у трапа
Пытаются корчить скорбные рожи.

Теплоход отбывает
В направлении утилизации тела,
Проржавевшие сваи
Распатались уже до предела...

Контролёр проверяет
Билетиков жухлую зелень,
Утомлённо зевает —
Скорее бы все порасселись!

Замыкает цепочку,
Рукой поправляет фуражку —
Он один получает отсрочку,
Кратковременную, но поблажку...
.....

Старость имеет запах —
Мостовой у речного вокзала.
Провожающие прячутся в шляпах,
Чтобы время их не опознало.

2007

И жизнь как будто бы прошла,
И ты размыт на старых фото,
И заикается игла,
И к горлу подступает рвота.

И холод лезет изнутри
И расползается по коже,
И свет обычной зари
Уже как будто невозможен.

2008

Смерть, как щелчок пальцев над левым ухом —
Пора просыпаться в потустороннем мире,
Расставаться с чревоугодливым брюхом,
Так и не закончив ремонта в квартире...

Чемодан собирать начал и бросил —
Спohватился и рассмеялся нелепой затее,
Там нас вращают другие оси,
И ветер иной за окошком веет.

А поезд стоит, чертыхается паром,
Ждёт опаздывающего пассажира,
Билет не нужен — катают задаром,
Но от экономии этой не нагуляешь жира.

Ночь в бездонные объятия приняла,
Обхватила, обернула, обняла...
Обманула — не вернула поутру —
Кто же знал, что этой ночью я умру?

2007

Бесконечный вальс
Трёх времен года,
Только лето всегда выпадает —
Пролетает огненной колесницей
Как будто его и не было.

На подступах — строишь планы,
Ждёшь когда распогодится,
Ловишь попутный загар,
Сам себе врёшь, что отпустят дела...

А потом сразу август,
Дождливая грусть —
Бесконечным пустым разговором...
И клянёшь себя, что опять не заметил,
Как пожелтел куст акации
За бетонным школьным забором.

Разбросал по асфальту листву сентябрь —
Никуда от банальности этой не деться!
Собирают дворники в строгий табор
Отлученных ветром от дерева-сердца.

Ну, а кто-то просто — сгниёт под снегом
Или, вросший намертво, — обледенеет...
И не нужно мудрым быть человеком,
Чтоб понять — природа нас не жалеет.

8 сентября 2004

ЕСЛИ...

Многоголосый хор,
Отсыревший рассвет...
Хоть и не пойман, но вор...
Хоть и не сказан — ответ.

Птицы поют — с утра...
С вечера ноет грудь...
Нет, не приходит гора!
Значит — готовиться в путь.

Не Магомед, не Аллах,
Не Иисусом зовут,
Тело моё — прах,
Оживший на пять минут.

Клессидра — моя печаль,
Подошва — моя печать,
Всегда недоступна — даль,
Но в каждой девушке — мать.

Чертоги моих надежд
Подпёрты стволем гнилым,
А в крыше зияет брешь,
В которую тянет дым...

Пора уходить. Пора!
Простынет мой лёгкий след,
А там и тебе гора
Кивнёт, приподняв берет...

2007

ПРИЧАСТИЕ
(2004 — 2007)

МАЛЬЧИК-БОГ

Я сижу на солнышке
И строгаю палочку.
Что из неё получится, не знаю пока.

Может быть стрела, пронзающая облака?
Может быть посох, в помощь больным ногам?
Может быть дудочка, от звука которой очнётся
любая душа?

А может быть рукоятка для нового ножа.

23 апреля 2007

Когда тебе дадут крылья,
Будешь ли ты знать,
Что с ними делать?

Все полетят в дальние дали,
К яркому свету...

А ты будешь по-прежнему
Запивать тёплым пивом
Копчёную колбасу
И мечтать о попке юной соседки.

Ангел упал на дощатый пол —
Слишков ретивым был богомол,
Слишком плаксивым — иконостас.
Ангел упал и сразу погас.

2007

Сделай вылазку из своей конуры,
Из своей улиточной ёмкости.
Пусть хрустнут распрямлённые плечи,
Пусть зрачки сомкнутся от яркого света!

Сделай шаг —
Почувствуй радость ходьбы,
Ощути счастье существования в теле!
Ещё успеешь достичь единения с духом:

Жизни — время,
Смерти — вечность.

Я черствую, как хлебный мякиш,
Я ржавею, как болт на днище,
Я как дата на важной бумаге —
Аккуратно, но зря подчищен.

Не дождавшись ключа «на двадцать»,
Не сварившись в желудках птичьих,
Понимаю — пора сдаваться
И спешу изменить обличье.

Сдамся на милость Учителю —
Пусть лепит из меня новое существо:

С ясным взглядом,
С белыми крыльями,
С чистыми помыслами...

Только в руках мастера глина обретает
форму.

Сделай из ваты — облако,
Из медной монеты — солнце,
Из мятой бумаги — море
Из спичек — уютный домик.

Все, что нужно для счастья —
Воображение.

МЫ СИДЕЛИ НА БЕРЕГУ РЕКИ

*Вместе мы слушали чтение сур.
Елена Соснина*

Мы сидели на берегу реки,
Смотрели на белые облака,
Ловили окуня взмахом руки,
Словно жертвенного быка.

Он падал монетой в пустой сачок,
Неистово бился и замирал,
Когда свой подвижный круглый зрачок
Для новой наживки мне отдавал.

23 апреля 2007

Мои острые крылья
распиливают небо
на белые поленья облаков.

Они падают на землю
и складываются в поленицы
около каждого дома.

Топите ими
жилища своих душ —
пусть дым ваших мыслей
стремится ввысь.

Когда я стану классиком
На сером асфальте —
Плоским и белым,
Как новое полотно,
Возможно, я буду счастлив.

Когда я стану классиком,
На сером асфальте,
Я буду целым,
Я буду частью.
Я буду липнуть
Мелом — к колёсам авто,
Взглядом — к стройным девичьим ножкам,
Телом — к сырой земле.

Когда я стану классиком
На сером асфальте,
Рядом всегда будут мои друзья,
Мы будем посчитаны и пронумерованы,
Мы будем неразлучны,
Как шесть и семь.

Когда я стану классиком
На сером асфальте,
Я буду —
Кормить голубей хлебом и просом,
Слушать журчанье подземных вод,
Целоваться с мокрым собачьим носом,
Созерцать целый день голубой небосвод.

Я буду доволен своей судьбой.

Разлинованный мелом асфальт,
Зацелованный образ Христа,
Нательный крест, как медаль
Посетившим церковь более ста раз-
Ветвление мыслей и слов,
Предпочтение одному —
Тоннелю узкому.
Ползи, смыслов, слов,
Раздвигай тьму!

Раствори меня
без остатка
В бархате
своего кофейного взгляда,
Я — невидимая облатка,
Кульминация католического обряда,
Из пресного теста
Круглый жетон...

Вариация
на тему известной песни
В твоих устах —
сплошные неточности...
Ну и что?
Пенициллин
сотворён из обычной плесени,
Как Богиня Любви
из пены порочности.

Уходят,
Не возвращаются,
И утром, и ночью кромешной,
От плена освобождаются,
От жизни осточертевшей.

Уходят, не глядя под ноги,
Торопят себя и кучера,
Срывают руками потными
Кольцо, что к стене прикручено.

Бегут, забыв реликвии,
Роняя часы и тапочки,
В объятия другой религии,
К другой золочёной рамочке.

Будет время для прощанья,
Для душевных разговоров,
Для немого созерцанья
Исчезающего скоро.
Для торжественных застолий,
Для гостей и возлияний,
Для обиды и для боли
И для прочих состояний...

Я ухожу по-русски —
С громким скандалом,
С кипящим взглядом,
С тапочками наперевес.

Буду сам себе дамка и ферзь,
Буду вандалом, сжигающим собственный Рим,
Буду покинутым ангелом,
Вынувшим батарейки из головы,
Чтоб не светился предательский нимб.

Я ухожу по-русски —
Клянусь: никогда не вернусь,
Плюю,
Клевещу,
Матерюсь...

Буду гордым и важным, как гусь,
Буду чистым, как ограбленная квартира,
Буду белым, как литр кефира.

Я ухожу по-русски —
С пьянкой-гулянкой,
С гармонью-тальянкой,
В обнимку с чужим унитазом.

Буду самодостаточным,

Как Дед Мороз на морозе,
Буду Буддой в анабиозной позе,
Буду генеральным директором
И учредителем в одном неделимом лице —
Зря что ли столько трудился?

Я уйду по-русски —
Хлопаю дверью,
Курю на крыльце,
Думаю: может быть снова погорячился?

Дизайнеры тела, мастера макияжа,
Нарисуйте улыбку метровую на плоскости моего лица!
Пробовал сам, — получается лажа,
Видно, нет в моей галерее подходящего образца...

Копирайтеры слова, интеллектуалы мысли!
Сделайте речь мою плавной, как течение реки,
Взятых мною уроков — не перечислить,
Видно, те, кто учили меня совсем слабаки...

Наместники бога, просветлённые гуру!
Научите большой безграничной любви —
Слишком много шишек набил я сдуру
И почти захлебнулся в собственной ржавой крови...

Тараканы в расщелине-трещине,
В укромной ране стены,
Грызут мой колючий хлеб.

И плевать им,
Что в холодильнике только прокисшие щи,
В которых мясо ищи-свищи.

И плевать им,
Что в моей перманентной крови
Электромагнитное поле РС и ТВ.

И плевать мне,
И я их давлю
Шлёпанцем китайского образца,
Потому что толпу не терплю —
У неё не бывает лица.

Это было вчера, но как будто до нашей эры,
Фотографии — пепел,
Воспоминания — окаменевшая лава.
Многоцветие красок перемешалось в задумчивый серый,
Разбирать прошедшее — археологам будет забава...

Я же здесь — пребываю в настойчивом настоящем,
Окружён голографией образов забывчиво тленных,
Обожжён Зодиаком и солнцем чрезмерно палящим,
Сфокусирован в точке случайным сдвигом вселенных...

Это было со мной, но как будто с героем книги,
Что написана почерком неуловимо знакомым...
Бог над нами, влюблённый в свои интриги,
Запивает пельмени сладким кубинским ромом.

Дни рождения — провокация, профанация...
У нашей жизни — посекундная тарификация.

Вечер в гостях затянулся петлёй на шее,
Вроде без галстука, но давит на острый кадык,
Вроде жилое пространство, но чувствуешь себя, как в музее,
В залах которого не принято расчехлять язык.

Надо идти, из блокнота вытаскивать таксомоторы,
Надо звонить и ответного ждать звонка,
А в помутневших салатах грустят огурцы-помидоры
Морщась брезгливо от едких паров коньяка.

Вот и оно — с огоньком на забрызганной крыше,
Здравствуй, водитель, — извозчик подвыпивших тел...
Не матерись на ухабы, ведь мы же с тобой не в Париже!
Жалко машину калечить?
А как ты хотел?

Вот довезёшь и получишь измятую сотню —
Сунешь небрежно в пропахший бензином карман
И, повинувся диспетчеру, снова нырнёшь в подворотню,
От перегара чужого почти до беспамятства пьян.

Остановка в пути —
Промежуточный краткий отчёт.
Очередную черту подведи,
Вычисли — скоро ли повезёт?

Пропусти сквозь пальцы песок,
Пересыпь из ладони в ладонь —
Быть может следующий перескок
Сразу забросит в огонь...

А пока — перекур-передых,
Лошади мирно щиплют траву,
И в утомлённых глазах твоих
Ветер подкрашивает синеву.

В поисках смысла —
Жизни, слова —
Складывал числа,
Плавил олово.

Выдвигал ящики —
Стола, мозга...
Разгрызал хрящики,
Лепил из воска.

Увенчаны не были
Мои искания,
Только небо довёл
До заикания.

Небесный наш Господин
Очень умён и хитёр —
Говорят, что он триедин:

Сценарист,
Режиссер
И актёр.

...И бытия незрелые плоды
Я обрывал с качающихся веток,
Мы все подвластны чаяньям жратвы
Внутри своих окостеневших клеток.

Из узенькой бойницы мы следим,
Как разрастаются сады Семирамиды,
Но час пробьёт, и снова мы едим,
А надо бы залечивать обиды,

А надо бы прощать и подставлять,
Дарить соседям лишние рубашки
И море пессимизма разбавлять
Спасением какой-нибудь букашки.

Зелёный цвет пока ещё к лицу,
Но август заставляет торопиться,
И я веду заблудшую овцу
К ручью, где можно запросто напиться.

2007

Я буду бросаться под ноги прибоем,
Выкаблучиваться жгучим испанским танцем,
Разноситься по улицам дворняжечьим воем,
Раскачиваться туда-сюда огромным протуберанцем.

Я буду двигаться в такт и мимо,
А в конце растянусь беззубой улыбкой,
Наружность моя, как физиономия мима, —
Взорвана мыслью притягательно липкой.

В каждом из нас — энергии масса —
Дремлет, пиная тесное логово,
Так, за лукавой панелью иконостаса,
Прячется настоящее тело богово.

ДРУГИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
(2007 — 2008)

НАКОПИТЕЛЬ

Стихотворение, как маленькая монетка —
Пишешь на электронной страничке,
Бросаешь в копилку папки-сайта —
Дзинь-ля-ля!

Время стучит, как слепой бородач
Тонкой палкой по тротуару,
И еще одна монетка летит во след
Серебристо-ребристой сестричке —
Оп-ля!

А слепой пересекает дорогу,
Презрев сигналы морда(с)тых водил,
Пора брюшко у свинки ножичком — чик!
Вуаля!

Любоваться искрами собственных фраз —
Рыцарь печальный, скупой на слова,
Перебирает своё нутро,
Переливает своё серебро,
В новую ёмкость —
Нести, сдавать
В посудный ларёк,
Приёмный пункт,
Последний приют —
Пустые бутылки,
Отбросы, опилки,
Чёрный лом цветных сновидений.

9 ноября 2007

◆ ◆ ◆

ЗАПОЛНИТЕЛЬ

1.

Заполняю белый лист чёрными буквами.
Чем больше букв — тем больше черноты,
Тем меньше светлого фона.

Когда лист станет полностью чёрным —
Начну по новой,
Но уже белым...

2.

Заполняю пространство своими мыслями,
Хочется больше и лучше,
Но боюсь переборщить —
Ведь другим тоже хочется
Поиграть в Сократа.

3.

Наполняю ванну тёплой водой,
Вытесняю собой, частично, на пол.
Раньше прибегала соседка,
А теперь нет —
Сантехники сделали новенький слив,
И излишки моего веса плывут в трубу.

9 ноября 2007

ДЕВУШКИ-СОСКИ

Девушки — соски,
Девушки — пустышки,
Они сосут леденцы
И бреют подмышки,
И другие места,
Где растут волосы,
Которые, бывает,
Ореолом окружают соски...

Девушки — сосуд,
Который можно заполнить
Чем-то вроде коктебельского вина,
Чем-то вроде парного молока,
Чем-то вроде оливкового масла.

Девушки — что-то вроде бутылка
Из желтоватого аптечного стекла,
В котором капсулы противозача...
Которые без назначения врача.

Если слишком прозаично, то —
Что-то вроде мотылька
Из цветастого барахла,
Который вне лета не может лета...

Если слишком романтично, то —
Что-то вроде оштукатуренного потолка,
До которого мальчикам не допрыгнуть, пока
В коротких штанишках не отросла
Сами зна...

Для девушки обычен вопросов зуд:
Любит — нелюбит?
Приблизит — погубит?
Отдалит — обидит? —
Зароет в песок зародыш-трупик
Барбисисистой куклы,
У которой половые губы
Заплавлены навсегда!

Девушки — мормышки,
Девушки — наживки,
Блестят на солнце сигнальные стрижки,
А после трехлетней совместной жизни
(у мужа на рукаве три красных нашивки)
Бывшие девушки
Хуже похмельной отрыжки.

Если заглотил глубоко —
Выдирают с кишками,
Собирают веником и руками
Запихивают обратно кое-как,
Но все равно уже не жилец
Романтизму пришёл пипец.

Девушки — мальки,
Вырастают в рыб.
Некоторые становятся похожими
На сморщенный гриб,
Некоторые на скучный эстрадный клип,
Но большинство превращается
В целлюлитный биочип,
В б/у д/у,
Которое включается поутру,
Чтобы поддерживать быт наплаву.

9 ноября 2007

СУМАШЕСТВИЕ

Сумашествие...

Шествие на...

Нашествие гоблинов в твой мозг...

О, блин!

Off-on!

Off-on!

Off-on!

Перестаньте щёлкать, в конце-концов!

Дайте свет в лицо кэгэбэшной лампой!

Еще не убрана ёлка после Нового года,

Еще тянет к ней кот свои пушистые лапы,

Еще бродит алко в гуще народа,

Еще посылают в ларёк гонцов,

Еще вызываются на дом бляди...

Сумашествие...

С сумой шествие...

Подайте Бога, разума ради!

Зимой о шерсти думаешь чаще,

А волки серые бродят в чаще,

А чай с вареньем намного слаще,

А чай вдвоём – это просто счастье!

Он струйкой стекает по подбородку

И замыкает электропроводку —

Off-on!

Off-on!

Off-on!

Беспольное действие – свет прощёлкан,

И вечный Дарт Вейдер всходит на трон,

И чёрным плащом застилает небо,

Его звездолёт стоит на рейде

И кормит мерзостью вместо хлеба,

И пахнет сыростью вместо лета,
И пахнет спёкшейся кровью котлета...

Сумашествие...
Стены — из ваты,
Крыша — из жести,
Лёгкие — сжаты,
Козыри — крести,
Были когда-то...
А, кто же ныне?

6 января 2008

ТЕЛОГРАММЫ
(2008)

1. ТЕЛ. ТВОЕГО ТЕЛА

Дай мне тел. твоего тела —
Я буду ему звонить —
Ежедневно, после восьми.
Разумеется, вечера.

Я буду справляться по проводам
Или по связи мобильной — как оно там?
Не захерело ли?
Хорошо ли поело?
Крепко ли спит?
Посещает ли божий храм?

Я буду звонить, если ты не против.
Ты спросишь: какое мне дело?
Мне что — делать совсем уже нечего?

Зря ты так.
Ведь время — тик-так,
А тело твоё — **большая** часть
Существа человеческого.
Душа — это миф,
Душа — это гриф,
Вспорхнёт, улетит, наигравшись с плотью,
Ну, в самом-то деле, — не вечно ж стеречь его?

Я буду звонить, если ты не против.
Я буду звонить — поболтать, подышать,
А может быть просто — послушать гудки,
Вдруг где-то закрались твои шепотки?
Вдруг это совсем не гудки,

А шаги
Навстречу тому,
Кто утратил мозги,
Кто долгое время
Был тебе
Кем-то
Вроде
Нервной правой руки.

Дай же мне тел. твоего тела!
Дай же мне мел — его записать!
Дай же мне крылья — над ним зависать,
Дай же мне всё, что еще не успела...

2. НАШИ ЛЮБОВИ

Наши любви в стеклянных банках
Пучат бельмастые глазики,
Им бы ныне учиться ходить,
Вцепившись в мамину руку,
Кушать пюре из груши и манго,
Но —
Не получилось нормально родить,
И наши любви плывут
В формалине,
Пуская зловонные газики.

Наши любви стучатся в стекло,
Набивая кровавые шишки,
Нашим любовям не повезло —
Они не девчонки,
Они не мальчишки
Они —
Непонятно что.

Наши любви, рождённые замертво,
Шлют нам сигналы из глубины,
Наши любви — кружились и замерли,
Остановились их хрупкие таймеры,
Нынче они — экспонаты кунсткамеры,
Напоминание нашей вины.

Наши любви в стеклянных банках
Законсервированы, как огурцы,
Мы им не матери и не отцы —
Такой результат никому не нужен,

Мы для них — сучки и стервецы,

Они для нас — вечное место в аду,
Где медленно и у всех на виду
Разлагаются наши души.

3. КУКЛОКОМА

Теперь ты —
Милая белая куколка.
В твоё окошко ласкается солнце,
С потолка откликается
Жёлтая лампочка,
За стеной разрастается морем листва...
Ты лежишь одинокая,
Милая лапочка,
Ты не стонешь,
Не охаешь —
Дышишь едва.

А недавно порхала бабочкой,
Гуляла по парку с любимым папочкой —
Цветастое платье,
Ножки-худышки...
Пломбир, карусели, сладкая вата...
А дома — мама и вкусные пышки...

Но белая «лада» подумала:
Ладно,
Проеду на красный свет!

Теперь вполнакала струится жизнь,
И внутренних органов винегрет
Принимает по капле свой жидкий обед.

Ты здесь и не здесь —
Заблудилась,
Забылась...
Друзья и родные шепчут: Очнись!
Но

Ты надолго от стаи отбилась,
На десять, пятнадцать...

На вечность лет.

Ты застряла на палубе теплохода-парома —
Ни туда, ни сюда.
Ни вперёд, ни назад.
И страшное слово «кома»
Не даёт возвестись в квадрат.

Перебинтована,
Перелицована,
Утрамбована в тесный гипс.
Скомкана,
Переломана,
Как в скользком пакете
Последний чипс...

Теперь ты —
Милая белая куколка
С блестящей пластинкой на выбритом темени,
Твоя история сложена в папочку,
Ты — красива, ухожена,
Сердце твоё стучит без умолку,
Но
Не выплыть на свет из кромешной темени...

Бедная девочка.
Милая лапочка.

2008

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ
(2004 — 2006)

ВОЗРАСТНОЕ

Девчонки хотят любви
И пишут стихи о ней,
А мои слова сухи,
Я — мыслей иных чародей.

БУКВЫ

В-О

Ю

)

Д

Буква буквой возбудилась,
Буква к букве прилепилась,
И, спустя всего лишь ночь,
Появилась буква-дочь.

РА

Колобок — убог — ни рук, ни ног,
По канавам дорог покатыл, как мог,
По каналу проплыл — мячиком,
По стене проскакал — зайчиком,
Солнечным,
ЗД.

Тыг-дым, тыг-дым —
Проскакали ежи,
У них за пазухой лезвий ножи —
Они бегут кромсать падежи
В детские книжки-малышки-
большушки.
У них в иголках топорщатся ушки,
А между ножек колышатся брюшки,
А вслед им кричат: Держи! Вяжи!

Ценно лишь то, что приходит случайно,
Что порождается цепью событий,
Ложечкой чайной в гранёном стакане
Резво очерчивать замкнутость круга,
Чёрствы крошки смахнуть-промахнуться
И протащиться пять миль на аркане,
Чтобы под песню квадрата Круга
Снова накручивать боль и кручину,
Снова дивчину раскручивать нагло,
Слово заучивать бегло и жадно.

Ладно — прохладно.
Неладно — тревожно.
Ладан — дыхание попского чрева
Лабух, давай, подыграй пианином!
И муэдзином подвой осторожно...

Ценно лишь то, что в начале ничтожно.

◆ ◆ ◆

СВЕТОВОЙ ДЕНЬ

световой день / полярная ночь /
из тени в тень / себя превозмочь /
на солнца круг / моргая смотреть /
даже лучший друг / это враг на треть /
мириады звезд / миллионы лиц /
их рассудок прост / как желток яиц /
как засохший лист / их судьба хрупка /
не трубит горнист / в свете маяка /

АБРАКАДАБРА

абракадабра / заклинание / древности /
синяя борода / оправдание / ревности /
добра и зла / пулеметная очередь /
красота проросла / в глазах дочери /
ладони сына / поле сражения /
сердце остынет / от чрезмерного жжения /
воля в неволе / удел великих /
душу вспороли / лунные блики /

КЛЮЧИ

ключи скрипичные / слои кирпичные / мысли тактичные /
волки тряпочные / разборы шапочные / и знакомства /
вероломство друзей / благородность врагов / вновь /
непригодность моих ключей / к двери / к чьей /
блестит отмычка / горит спичка / огня ручей /
ручка кругла / голова-юла / кружится /
упала на пол / покатила клубком /
тело тужится / фонтаном кровь /
каблуком в бровь / в глаз /
плевком в иконостас /
свет погас / в нас
хаос масс /
я пас

ПУСТОТЕЛЫЕ ДУШИ

пустотелые души / напомаженных дев /
перезрелые груши / привлекательный блеф /
целлюлитные бёдра / уценённый товар /
проржавевшие ведра / красоты перегар /

◆ ◆ ◆

СМЕХАЧИ

гу-гу-гу —
смеётся лялочка (лишь бы не плакала)
хи-хи-хи —
смеются девушки (хотят, но стесняются)
иго-го-го —
смеются юноши (засранцы, ржут как кони)
хо-хо-хо —
смеётся тётя (лет за 40, толстенькая)
ах-ха-ха —
смеется дяденька (услышал скабрезный анекдот)
кхе-кхе-кхе —
смеётся дедушка (а может кашляет – не расслышал)

а как смеётесь вы?

